

Андрей Троицкий

темная сторона

УЛИЦЫ

ВХОД

РУССКИЙ ПРОЕКТ®

Андрей Борисович Троицкий

Темная сторона улицы

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=131443

Аннотация

Два года прошло, как кинорежиссер Иван Леднев расстался с женой Еленой, театральной актрисой. Когда Елена таинственным образом пропадает, выясняется, что некому даже составить заявление в милицию о ее исчезновении. Поисками вынужден заниматься сам Леднев. Ему предстоит выйти из своего уютного благополучного мира в реальную жизнь и увидеть ее темную сторону.

Содержание

Пролог	4
Глава первая	12
Глава вторая	32
Глава третья	48
Глава четвертая	59
Глава пятая	81
Глава шестая	102
Глава седьмая	122
Конец ознакомительного фрагмента.	130

Андрей Троицкий

Темная сторона улицы

Пролог

Вечер зря не прошел, – Денисов понял это, когда познакомился со своими клиентами ближе. Правда, на это знакомство ушло время. Пришлось отменить свидание, сославшись на срочные дела, объявить Ирине, что поход в театр откладывается. А ведь, возможно, именно сегодня Денисов, наконец, решился бы сделать предложение Ирочке. Ладно, это терпит. Зато потраченные часы стоят блестящего результата. Денисов откинулся на неудобную жесткую спинку дивана и обвел комнату долгим взглядом.

– Значит, сейчас эту квартиру снимаете? – спросил он уже второй раз за вечер. – Ясно. И во сколько это вам обходится?

Маслов назвал цену.

– Дороговато, – Денисов покачал головой. – За однокомнатную квартиру дороговато.

– Я так понимаю, наши траты скоро кончатся, – Маслов потянулся к бутылке, разлил водку по рюмкам. – Мы так решили, лучше поживем в Москве лишний месяц или два, зато подыщем нормальную квартиру. Ну, чтобы её купить. Не хочется брать, что попало. Все-таки большие деньги.

– Это правильно, – согласился Денисов. – С покупкой жилья торопиться не следует. Но и затягивать не надо. Вообще хорошая квартира – это дело случая. Бывает, появляется отличный вариант и цена приемлемая. Но это по нынешним временам редкость. Сейчас дураков не осталось. Почти.

– Давайте выпьем за успешное завершение нашего начинания, – Маслов поднял рюмку. – Намотались по чужим углам. Хватит. Хочется по-человечески пожить, – свободной рукой он погладил живот. – Правда, Максим?

– Помаялись, – буркнул Максим и взял рюмку со стола, потянулся чокнуться сперва с Денисовым, затем со своим другом Антоном Масловым.

Максим, длинный, костлявый, все больше мрачнел, смотрел на Денисова колючими недоверчивыми глазами. Запрокинув лицо кверху, Максим осушил рюмку. Этот Максим не нравился Денисову. Подозрительный, желчный, кажется, психопат, готовый сорваться с нарезки из-за любого пустяка. Денисов через силу выпил, закусил салатом из свежих помидоров и огурцов, положил в тарелку кусочек масла и помял рассыпчатую картофелину.

– А ваш вариант не уйдет? – Максим икнул, положил ногу на ногу, вывалив чуть ли не на стол свое острое колено.

Господи, с такими законченными идиотами приходится разговоры разговаривать. Денисов тяжело вздохнул. Интересно, какой срок этот умник Максим на зоне отсидел? Наверняка туберкулезник и язвенник. По слухам, они с Масло-

вым чистоделы. Брали квартиры в Питере по чьим-то наколкам. Неужели в послужном списке этого ублюдка Максима ни одного мокрого дела? Что-то не верится. Еще та морда. Законченный мокрушник.

– Этот вариант? – переспросил Денисов, двигая челюстями. – Куда же он уйдет? Это эксклюзивная сделка. Лично моя. Хозяин квартиры заключает договор с нашей риэлторской фирмой о том, что продаст квартиру именно нам по фиксированной цене. Мы в свою очередь обязуемся в короткий срок найти покупателя и заплатить хозяину наличным. Если хозяин после заключения договора отказывается продавать квартиру, ну, возникли какие-то обстоятельства, он передумал, тогда удерживаем с него большую неустойку. Это предусмотрено договором. Все абсолютно законно и надежно.

– Теперь понятно, – выдавил из себя Максим и пригладил ладонью вьющиеся на затылке патлы. – И доходное это дело, – он пощелкал пальцем, подыскивая нужное слово, – этот ваш квартирный бизнес, купил-продал?

– Как сказать, – Денисов неопределенно пожал плечами. – Лет шесть-семь назад это было золотое дно. А теперь... Цены на жилье потолочные, предложений интересных немного.

– Ну, понятно, – Максим мечтательно разглядывал потолок.

Все— то ему понятно. Да, видимо, дела у этой парочки в Питере шли весьма прилично. Правда что ли, дуракам везет?

А теперь они приезжают в Москву и запросто выкладывают наличными за квартиру сто тысяч долларов с хвостиком. Хорошее вложение капитала. Все грамотно. Видимо, купить квартиру идея Маслова. Куриная голова Максима родить такие идеи не способна.

Денисов налил в стакан минеральной воды из прозрачной пластиковой бутылки. Вшивота, синяки немытые, интересно, в каком месте они хранят свои деньги? В этой полированной «стенке», отражающей прямо в глаза свет люстры? В диване? В сортире? Где-то здесь, в квартире, это уж точно, это наверняка. Строят из себя крутых парней, а прокалываются на ерунде. Сделав из стакана несколько глотков щиплющей язык воды, Денисов закурил.

– Да, квартира – великое дело, – Маслов потянулся. – Значит, как завтра будем действовать? – спросил он Денисова. – Квартиру мы сегодня посмотрели, она нам понравилась. Берем. Но что дальше делать?

– Ну, ваша главная забота внести деньги, – Денисов улыбнулся. – Мы оформим сделку нотариально, это много времени не займет. Затем регистрируем на Зеленом проспекте – и квартира ваша. Можете въезжать, когда захотите.

– В новых стенах начну новую жизнь, – сказал Маслов, но Денисов не дослушал.

Извинившись, он поднялся, прошел в ванну и заперся там изнутри. Открыв вентиль, он вымыл руки, ополоснул лицо и высморкался в раковину. Не выключая воду, Денисов

достал из внутреннего кармана пиджака «Браунинг», взвесил его на ладони. Приятная игрушка. Калибр 6,35, вес пули три с половиной грамма. Одно плохо, когда стреляешь из мелкокалиберного пистолета, нужно бить наверняка, хорошо целиться. Теперь от «Браунинга» придется избавляться, а жаль. Денисов опустил предохранитель, передернул затвор, спрятав пистолет под брючный ремень, застегнул пиджак на верхнюю пуговицу. Выйдя из ванной, он занял свое место на диване. Маслова в комнате не оказалось, Максим включил телевизор и развернул к нему свое кресло.

– Фильм начинается, – сказал Максим. – Люблю кино смотреть. Хорошее, конечно, кино.

Денисов кивнул и, уставившись на экран, стал читать титры. Актеры, так... Режиссер Иван Леднев. Знакомое имя... Из кухни вернулся Маслов, держа в руках две большие чашки кофе, одну протянул Денисову, другую поставил перед собой.

– Так вот, я говорю, в новых стенах начну новую жизнь, – Маслов, побряхтев, устроился в кресле. – Стану вегетарианцем. Во-первых, лишний вес ни к чему. Во-вторых, не могу есть трупы убиенных животных.

– А яйца? – спросил Максим.

– Что, яйца? – Маслов разлил по рюмкам оставшуюся водку.

– Ну, яйца ты есть будешь? – Максим оторвался от телевизора и тупо посмотрел на Маслова.

– А почему бы и нет?

– Те, кто ест яйца, не настоящие вегетарианцы, – Максим перевел взгляд на Денисова. – Правда, Сергей Сергеевич?

– Я не специалист в этой области, – Денисов размешивал сахар в чашке кофе. – На себе вегетарианство не испытывал.

– А тут и испытывать нечего, – унылый Максим оживился. – Яйцо – эмбрион живого существа, не родившийся цыпленок. По существу, та же живая плоть, мясо. Значит, те, кто ест яйца, не могут называться вегетарианцами. Те, кто ест яйца и все производные: кремы, пирожные и ещё много чего. А все разговоры о вегетарианстве – одно сплошное лицемерие.

Ого, да этот Максим не такой уж беспросветный болван, даже способен мыслить логически. Денисов глотнул кофе. Был бы сейчас под рукой клофелин, обычный десятипроцентный клофелин. Лучше не в таблетках, а в ампулах, тот, что в ампулах не дает мутного осадка. Пожалуй, чтобы свалить эту парочку, хватило бы четырех-пяти ампул на рыло. Незаметно подливаешь в кофе или минеральную воду, и минут через двадцать эти друзья вырубаются, спят до утра, а просыпаются нищими. Раньше клофелин во всех аптеках без рецепта отпускали. Теперь достать сложнее. Лекарство стали использовать все, кому не лень: аферисты, проститутки, кидалы. Денисов зевнул в ладонь.

– Может, ещё по рюмочке накатим? – предложил Маслов. – На кухне бутылка стоит. А то я запутался в этих про-

блемах. Не пойму теперь, кто вегетарианец, а кто нет.

– Пожалуй, не будем, – отозвался Денисов. – Завтра дела. Нужно заниматься оформлением нашей сделки, этими бумажками.

– Вот момент, – Максим показал пальцем на экран телевизора.

Какой— то бородатый мужик в глубокой черной кепке сидел за грубым самодельным столом в деревенской избе и задумчиво тер ладонью нос и брови. Другой рукой мужик гладил окладистую бороду. На заднем плане, за окном избы, шли какие-то люди, громко звала на помощь то ли женщина, то ли ребенок. Максим прибавил громкость.

Денисов расстегнул пуговицу пиджака. «Я так долго лицедействовал, что, кажется, разучился быть самим собой», – сказал из телевизора бородатый мужик. Встав из-за стола, мужик снял и бросил под ноги свою черную кепку, стянул с лица накладную бороду, порылся в сундуке у окна и достал один за другим два револьвера. Хлопнув дверью, мужик вышел на улицу, по дороге, в сених, пристрелив какого-то человека с винтовкой на плече. Человек с винтовкой схватился за живот и завыл. На улице началась беспорядочная стрельба. Мужик стрелял навскидку и всегда попадал, его противники тоже стреляли, но мазали.

Денисов встал с дивана, зашел за кресло Маслова. Максим, оторвавшись от экрана, повернул голову к Денисову.

– Что-то опять ссать хочу, – сказал Денисов.

Он вытащил из-за брючного ремня пистолет и выстрелил Маслову в затылок. Круглая голова Маслова дернулась вперед и упала на грудь. Максим замер в своем кресле с широко распахнутыми глазами. Его нижняя челюсть отвалилась, рот широко раскрылся. В этот широко раскрытый рот и влетела пуля калибра 6,35.

...Денисов покинул квартиру глубокой ночью, под утро. Он обыскал все, что только можно обыскать, дважды перебрал тряпку за тряпкой, вещь за вещью. Перерыл все ящики и полки, отодвинул от стен мебель. Денег не было нигде.

Он прошагал два квартала по спящим улицам, вышел на освещенный фонарями проспект и остановился на обочине, ожидая такси.

– Да, не такие уж они были дураки, – сказал вслух Денисов. – Просто сегодня не мой день.

Приближалась какая-то машина, Денисов поднял руку.

Глава первая

– Итак, мы не нашли на квартире твоей бывшей жены ничего интересного, ровным счетом ничего, – подвел итог Мельников, поворачивая ключ в замке зажигания. Он тронул «Жигули», взглянув на сидевшего рядом Леднева. – Старая записная книжка, паспорт. Небогатый улов. Вековая пыль на зеркалах, залежи засохшей косметики.

– Я же говорил, Елена бывает в городе один-два раза в месяц, не чаще, – сказал Леднев.

«Еще мы нашли несколько картонных ящиков с пустыми бутылками на балконе, – добавил Леднев про себя. – Два-три десятка пустых посуды под мойкой на кухне. Это много. Мельников видел всю эту стеклотару, словно в приемном пункте побывал. Можно представить, что он решил для себя, что подумал о Лене. Впрочем, неважно, что он там подумал. Лишь бы помог её найти».

– Сейчас отправляемся на дачу, авось, там больше повеет, – Мельников стал насвистывать мелодию из оперетты «Вольный ветер».

– Придется прокатиться, раз уж начали, – сказал Леднев. Быстрая езда не развеяла его сумеречного настроения. «Эти залежи пустых бутылок. Боже, сколько же она пила в последнее время, – думал Леднев. И я видел, что она медленно умирала, но ничего не смог поделать. Ведь видел, что

она умирала. По капле, по маленькому кусочку, изо дня в день. Еще год, может, два года такой жизни – и конец. Два года – это в лучшем случае. И ты не захотел для неё ничего сделать. Видел, что она умирает, и ничего не сделал. А что я мог сделать? – спросил себя Леднев. – Что я мог для неё сделать? Бывшая жена. Она сама, взрослый человек, делала свою жизнь. Она выбирала себе друзей, не спрашивая меня. Не друзей, собутыльников, – поправил себя Леднев. – Выбирала собутыльников, потому что друзей у неё почти не осталось. Скорее всего, и не было этих друзей никогда. А ей уже ни до чего не было дела, полное равнодушие ко всему». Леднев вспомнил лицо жены с неестественно большими, блестящими зрачками.

«Что бы с ней ни случилось, пусть самое плохое, она сама выбрала эту дорогу. Но этой дорогой она пошла, когда ты ещё был рядом и мог помешать. Но ты не помешал, ты на все смотрел сквозь пальцы. Потому что так тебе удобно, – упрекнул себя Леднев. – Она ведь не колетса, не курит всякую дрянь, говорил себе ты и успокаивался. Ну, рюмка, другая рюмка, третья... Ну, друзья, застолье, ещё застолье и еще. Вокруг известные артисты, большие чиновники. Все они в своем большинстве ведут такую жизнь. От стола к столу. Да, Лена слегка увлекается, не рассчитывает свои силы. Ее слишком часто видят пьяной посторонние люди. И что в итоге? Лену перестали снимать в кино, потом отодвинули на задний план и, наконец, выкинули из театра».

«Она все время не в форме, – заявил главный режиссер театра. – Ну, поймите меня, – сказал тебе тогда Бучинский. – Я не могу работать с артистом, который даже не берет на себя труд заучить наизусть собственную роль. А это именно так. Молодые ребята, талантливые, вчерашние выпускники театральных вузов, перспективные, мечтают о любой роли, самой маленькой, ждут её, как ворон крови. Они готовы работать день и ночь, бесплатно работать, лишь бы выйти на подмости. Лишь бы их заметили, оценили. А ваша супруга... Несколько раз она срывала спектакли. Человек менее терпеливый, чем я, давно бы выставил Елену Викторовну. Репетиции она посещает через одну или реже. И при этом мнит себя примадонной экстракласса. Не понимаю, как можно так заблуждаться в оценке собственных способностей. Кстати, я разговаривал с директором театра о вашей супруге, ставил, так сказать, вопрос. Если раньше он колебался, то теперь полностью меня поддерживает. Можете подняться к нему, услышите то же самое».

«А что ты ответил Бучинскому? – спросил себя Леднев. – Ты что-то лепетал в оправдание жены, что-то маловразумительное, жевал кашу. Так же нельзя, сплеча рубить нельзя. Дайте Лене последний шанс». «Поверьте, я не рублю, – усмеялся Бучинский, – Как сказал герой одной бездарной пье-

сы: это решение выстрадано бессонными ночами. Ничем не могу помочь вашей супруге. У неё полное отсутствие самокритичности при весьма скромных способностях, да. А насчет последнего шанса... Я уже давал ей сто один последний шанс. При всем уважении к вам, известному кинорежиссеру, ничем не могу помочь. Простите».

Ты пришел домой и в нескольких словах передал Лене разговор с Бучинским. Она рассмеялась, зло рассмеялась, так зло, будто это ты виноват во всем случившемся. Она смеялась, а на её глазах блестели слезы, и сперва непонятно было, то ли это начинается истерика, то ли смех искренний, просто смех и только. «Можешь больше не приходить в театр, – почти закричал ты. – Не трудись. Тебя там никто не ждет». «Что ты ещё сказал Бучинскому?» – спросила Лена, переводя дыхание. «Сказал, что мы обязаны бороться за человека, а не бросать его в трудное для него время».

Слезы уже высохли, как не было этих слез. Вместо них в глазах Лены появились две холодные сухие льдинки: «Ты в своем репертуаре, Иван. Нахватался где-то нравоучительных высказываний. И теперь жонглируешь ими. Надо же такое придумать: мы должны бороться за человека. Какая пошлость, чушь какая. И что же ответил Бучинский?» «Ответил, что каждый человек должен бороться за себя сам. И он прав, он трижды прав. Каждый должен бороться за себя сам. Ты сама должна что-то решить, а уж потом рассчитывать на чужую помощь», – ты сказал это с жаром, убежденно.

Ты говорил ещё что-то, говорил и видел, Лена больше не слушает тебя, она уже где-то далеко-далеко, сама в себе, в своей душе, в своих мыслях. Она молчала, сидела с каменным застывшим лицом и молчала.

«Ты разговаривал с Бучинским, – наконец сказала она вслух, словно самой себе. – Разговаривал с этим ничтожеством и спокойно сносил эти плевки в меня, мне в лицо. Этот Бучинский занят только своей голубизной, педик поганый. Про молодых актеров он тебе говорил? Конечно, говорил. Какие они талантливые, работоспособные какие. Как же... Выбирает себе среди них партнеров, ставит гомаков этих на первые роли за особые отличия в собственной койке. А молодые дают ему, потому что иначе нельзя, дают этому сифилитику. То же мне, режиссер. У него, по-моему, и сын от мужика родился. А ты его слушал, внимал. Он, случайно, не предложил тебе уединиться? Хороша была бы парочка. Две творческие личности сливаются в едином порыве», – она рассмеялась громко и зло.

«Прекрати, речь сейчас не о Бучинском», – не имело смысла продолжать разговор. «Хорошо, тогда поговорим обо мне. Режиссер, – Лена назвала известную фамилию, – таскает свою жену из фильма в фильм. – Или она его таскает, не важно. Главное, они вместе, помогают друг другу жить. И пусть фильмы этого хмыря слова доброго не стоят. Главное – они вместе. А ты? Дал мне в одной ленте эпизод, сделал доброе дело. То есть отделался. И теперь получил право учить

меня и ещё союзника себе нашел – пидора Бучинского», – льдинки в глазах Лены растопились в слезы.

«Характерной роли для тебя в моих лентах не было», – ты пытался оправдаться. Вот ведь как, оказывается, ты сам виноват в том, что жену турнули из театра, все виноваты, кроме неё самой. Тогда ты еле сдержался, чтобы не вlepить Лене пощечину.

«Просто я старею, – сказала она и заплакала так горько, что твое сердце превратилось в болезненный твердый комочек. – Я старею и больше не нужна никому. Теперь меня можно выбросить на улицу. Стареющая актриса, какая это жалкая роль», – Лена все плакала и плакала. А ты стоял над ней и не мог понять, что же сейчас делать, то ли ругаться, рвать горло, доказывая свою правоту, то ли признать, хотя бы внешне признать, её правоту. Ты сел с ней рядом на диван, обнял за плечи, сказал какие-то банальные утешительные слова, пообещал снять её в своем новом фильме.

Пообещал, но опять не выполнил обещания. Лена оказалась не в форме и не в настроении. После этой истории с её отчислением из труппы она уже редко когда бывала в форме. В тот день что-то кончилось между вами, что-то оборвалось и больше не соединилось. Да, больше уже не соединилось.

* * *

– Сейчас поворот налево, – сказал Леднев, оторвавшись

от мыслей.

Мельников остановил машину в левом ряду, ожидая, когда освободится встречная полоса и можно будет сделать левый поворот на узкую дорогу, уходящую в лес под прямым углом от основного шоссе.

– Теперь я припоминаю, как дальше ехать, – сказал Мельников. – Собственно, здесь и припоминать нечего. Одна дорога прямо до дачи. Ты мне так толком и не рассказал, чем закончился твой поход в отделение милиции.

– Лена прописана в своей однокомнатной квартире, значит, заявление об её исчезновении я должен подавать по месту прописки, – то ли спросил, то ли в утвердительном тоне заявил Леднев. – В отделении милиции сказали: сидит ваша бывшая супруга где-нибудь у самого Черного моря на пляже среди симпатичных людей, а вы тут с ума сходите, занятых людей ставите на уши.

– Так приняли твоё заявление?

– Из дежурной части меня направили к следователю. Следователь оказался каким-то утомленным существом, будто всю прошлую ночь разгружал мешки. Он все пил воду из графина, стакан за стаканом, пока, наконец, графин не опустел. Потом ерзал на стуле. Наконец, запер свои бумажки в сейфе, выпроводил меня в коридор и ушел куда-то с этим пустым графином. Вернулся только через четверть часа, пустил меня в кабинет и стал пороть какую-то чушь. Мол, по статистике женщины чаще мужчин пропадают, потом, в кон-

це концов, находятся сами, без помощи милиции. И как-то криво усмехался. Спросил, когда исчезла бывшая супруга, и кто её видел, по моим данным, в последний раз. Он действовал мне на нервы.

– На месте следователя я задал бы тебе тот же самый вопрос. И дальше что?

– Дальше я рассказал все известные мне обстоятельства, все, что я знаю об исчезновении Лены, потом я изложил все это письменно в своем заявлении, – Леднев выбросил окурочок на дорогу. – То есть, я уже сочинил заявление дома, отпечатал его на машинке, раскрыл папку и протянул следователю полторы странички машинописного текста со своей подписью. Он взял бумаги из моих рук: «Ну, с заявлением, наверное, мы спешить не будем. Сейчас это не имеет смысла. Факт исчезновения вашей бывшей жены не установлен. Сейчас сезон отпусков. Если по каждому такому случаю возбуждать дело, придется искать пол-Москвы. Подождем неделю-другую. Если она не найдется, продолжим разговор». «Может, лучше через месяц прийти?» – спрашиваю. «Лучше через месяц», – сказал следователь и налил себе воды из графина. Он оставался очень серьезным, даже моей иронии не заметил.

– Ему деньги не за то платят, – заметил Мельников. – Сейчас налево? Вот память, последний раз приезжал сюда Бог знает когда. А дорогу помню. С такой памятью можно жить. Как думаешь?

– Можно, – буркнул Леднев, ему не нравилось веселое настроение Мельникова. – Ты меня вообще-то слушаешь? Что за привычка задавать вопросы и не слушать ответы?

– Вообще-то я тебя слушаю, – кивнул Мельников. – Просто примерно, в общих чертах, уже представляю, что произошло дальше.

– И что, по-твоему, было дальше?

– Ты сказал: «Если не примете заявление, я обращусь к начальнику отделения или выше». Следователь ответил, мол, это ваше право, вы можете обращаться к кому угодно, вам лишь повторят мои слова. Ты отправился к начальнику отделения милиции. Он тоже попросил повременить с заявлением, ты обещал пожаловаться в прокуратуру, пойти дальше по начальству. Наконец, ты представился: я режиссер такой – то, такой-то, мое имя многим известно, дело может получить огласку, резонанс и все такое. В конце концов, начальник вызвал к себе твоего следователя и приказал ему принять заявление. Так дело было?

– Почти что так, – кивнул Леднев.

– Настырность ты проявил, молодец. Кстати, со своей бумагой мог бы сразу обратиться на Петровку в ГУВД, в отдел лиц, пропавших без вести и идентификации неопознанных трупов.

– Лучше было на Петровку идти?

– Одна контора, в общем-то. Они должны искать Елену Викторовну и будут искать. Можно им немного помочь, об-

легчить задачу. Вот мы и стараемся это сделать.

* * *

Шлагбаум в красно-белую полоску перед въездом на территорию дачного поселка оказался, как всегда, поднят. Будка сторожа, застекленная сверху, как всегда, пустовала. Асфальт обрывался сразу за шлагбаумом, сменяясь разбитой грунтовкой с глубокими колеями.

– Разве я не сказал? У меня нет ключей, – Леднев открыл дверцу и вылез из автомобиля. – Ключи оставались только у Лены.

– От собственной дачи ключей не держишь? – Мельников вытащил с заднего сиденья дорожную сумку с надписью: «Аэрофлот».

– После развода дачу переоформили на Лену, – Леднев подергал калитку с приколоченным к ней почтовым ящиком. – Свой дубликат ключей я отдал Лене, жест доброй воли сделал, – он поднял крышку почтового ящика и заглянул в его черную глубину. – Пусто.

– А ты рассчитывал обнаружить письма с угрозами расправы и обратным адресом? – Мельников наклонился над замком. – Так, с этим мы как-нибудь справимся, замок вшивенький.

Он расстегнул «молнию» сумки и нашарил на её дне долото с длинной деревянной ручкой. Сбросив сумку с плеча

на землю, он вогнал долото в широкую щель между калиткой и заборным столбом. Он навалился на длинную ручку корпусом, используя инструмент как рычаг. Ржавые петли скрипнули. Сделав полшага назад, Мельников толкнул калитку плечом.

– И вся работа, – Мельников бросил в сумку инструмент, потрогал пальцем короткий язычок замка. – Еще послужит.

Леднев посмотрел на ветви яблони, перекинувшиеся через забор, вошел на территорию участка и зашагал к дому по тропинке, вымощенной бетонными плитами. «Давно здесь не ступала нога человека», – эта фраза вдруг пришла на ум, и Леднев был готов произнести её вслух, но суеверно смолчал: Мельников и без комментариев все видит. Густая молодая трава по краям дорожки, трава, прорастающая между бетонными плитами. Перед глазами Леднева мелькнула и исчезла в ветвях яблонь птица с пестрым оперением. Солнце вдруг брызнуло лучами из-за облака, в этих лучах кирпичная кладка дома проступила рельефно, выразительно. Поднявшись на крыльцо, Леднев потянул на себя дверную ручку. Потоптавшись на ступеньке, он постучал в дверь кулаком. Глухой звук этих ударов возник и замер. Солнце спряталось в высоком облаке, Леднев спустился на ступеньку ниже.

– Два врезных замка, – сказал откуда-то из-за его спины Мельников. – Пожалуй, дверь не станем трогать. Пойдем, глянем с другой стороны дома.

Спустившись с крыльца, Леднев, путаясь ногами в траве,

зашагал за Мельниковым, озираясь по сторонам, выискивая и находя все новые приметы неухоженности земли, яблоневого сада. Обогнув угол дома, бочку под жестяным желобом, полную дождевой воды с утонувшим в ней мышонком, плавающим кверху желтым брюшком, Мельников остановился под окнами веранды.

– Отсюда дверь в комнату запирается? – спросил он.

Мельников расстегнул вторую пуговицу рубашки.

– Сейчас что-нибудь придумаю, – исчезнув, Леднев вернулся через пару минут побряхтывая. Самодельная сваренная из металлических уголков лестница доставала до окон веранды.

– Тяжеловат я, чтобы в форточки лазить, – проворчал Мельников, поднимаясь наверх. – Слава Богу, хоть верхний шпингалет поднят. А вот нижний опущен. Вот это маленькое стекло внизу придется выставить. Если разбить, не возражаешь?

– Бей, – вышагивая взад-вперед под лестницей, Леднев поскользнулся на пустой бутылке, чуть не упал, со злости выругался.

* * *

Через полтора часа Леднев, устроившись в кресле напротив камина, выложенного светлыми с голубым рисунком изразцами, задрал ноги на журнальный столик, смотрел, как

колышутся оконные занавески. Через распахнутые настежь окна комнаты быстро выветривался кислый запах нежилого помещения, теперь дышалось легче. Леднев курил, стряхивая табачный пепел в свернутый из старой газеты кулечек. Мельников запретил ему ходить по дому, прикасаться руками к вещам, усадил в кресло.

Натянув на руки резиновые перчатки веселого розового цвета, Мельников, начав со второго этажа, стал медленно обследовать дом. Он выдвигал ящики комода, перетряхнул бельевую тумбочку, зачем-то осмотрел потолок, отодвинув в сторону диван.

Леднев наблюдал за этими манипуляциями, перемещая взгляд с предмета на предмет. Вот фотография сына на каминной полке, чуть наклонив голову вперед, он делает вид, что нюхает шляпку большого мухомора, который держит в руке. Сыну весело, на этом снимке ему лет пятнадцать. Другая фотография: Леднев на фоне старого душа на задах участка копает грядку. Рядом, стоит фарфоровая фигурка пастушка, привезенная из Венгрии. Календарь на позапрошлый год, приколотый к стенке конторскими кнопками: море, парусник на волнах, какие-то люди в белом на его палубе. Леднев зевнул, погасил окурок о подметку ботинка и опустил его в бумажный кулек.

«Странное чувство, будто возвращаешься в свой родной дом, где ты не жил много-много лет, – думал Леднев. – Возвращаешься, а дом уже не твой, дом уже забыл тебя. Вооб-

ще забыл людей. В нем поселились привидения. Они живут своей жизнью и не обращают на тебя, чужака, никакого внимания. И тебе нужно уходить, потому что время упущено, ничего уже не вернуть и не исправить».

– Что ты ищешь, Шерлок Холмс?

– Если бы я сам знал, что искать, – задрал голову кверху, Мельников проследовал вдоль комнаты до самого подоконника. – Ищу открытки, письма, пятна крови, пятна спермы. Сам не знаю, что ищу.

– Это на потолке ты сперму ищешь?

Леднев, устав сидеть спокойно, покрутил головой из стороны в сторону и сплел кисти рук на затылке.

– М-да, пусто, везде пусто, – Мельников поднялся на ноги. – Такое впечатление, будто кто-то очень тщательно убирал дом. Вымыл полы, протер пустые бутылки тряпкой, а также поверхности стола, полки, ручки дверей. В холодильнике только пара банок консервов и початая бутылка коньяка, чистота и пустота, – Мельников подошел к каминной полке. – Да, и здесь тоже вытирали пыль. Как-то это нелогично. Если хозяйка покидает дом, вряд ли она станет перед отъездом вылизывать этот дом. Все равно пыль соберется к её возвращению, так ведь? – не дождавшись ответа, Мельников присел на корточки, запустил руку в резиновой перчатке в горсточку золы в камине. – Она часто топила камин?

– Не знаю, часто ли. Ее привычки за последнее время изменились.

– В каком месте Елена Викторовна хранит лекарства? Домашняя аптечка у неё есть?

– В среднем ящике кухонного стола, там, кажется, – Леднев сунул в рот новую сигарету. – Что ты там в камине выкопал?

– Игла от одноразового шприца, толстая, довольно тупая, видимо, китайское производство, – Мельников протер иглу носовым платком. – Пластмассовый шприц, скорее всего, сгорел вместе с упаковкой, а вот иглолочка осталась.

Он положил иглу на журнальный столик перед Ледневым и вышел из комнаты. Мельников вернулся через пару минут, поставил на столик две коробочки из светлого картона, раскрыв верхнюю.

– Слушай, Иван, я задам тебе несколько идиотских вопросов. Скажи, как попали сюда на дачу сердечные глюкозиты? – Мельников ткнул пальцем в коробочку. – Я имею в виду строфантин, вот эти ампулы.

– Это лекарство я покупал, – Леднев затащился сигаретой. – Несколько лет назад.

– Разве у Елены Викторовны большое сердце?

– Здоровое сердце, абсолютно здоровое. Тогда Лена тяжело перенесла воспаление легких. Она отказывалась ложиться в больницу, да и я этого не хотел. Наняли сиделку, которая жила здесь, пока Лене не стало легче. Сюда же и врачи приезжали. Тогда и рекомендовали это лекарство, помню, полкубика внутривенно, чтобы поддержать сердце. А потом Ле-

на выкарабкалась. Что, собственно, тебя насторожило?

– Ну, строфантин довольно сильный препарат. В малых дозах он, конечно, почти безвреден. Полкубика внутривенно – это лекарство. От пяти кубиков останавливается сердце. Пять кубиков – смертельная доза. Вот игла от шприца, вот почти пустая коробка из-под строфантина, только две ампулы и остались. Сам делай выводы.

* * *

Мельников вынул из сумки блокнот, раскрыв на чистой странице, придвинул Ледневу, протянул шариковую ручку.

– Теперь напиши мне имена и фамилии, если помнишь, телефоны её подруг. С кем она поддерживала отношения, вспоминай.

– Трудно сказать, с кем она поддерживала отношения, – Леднев задумался. – Мы ведь в разводе, я не мог наблюдать за Леной изо дня в день. Ты понимаешь, я не нянька своей бывшей жене. Я не хотел лезть в её жизнь. Ты хочешь спросить, был ли у неё любовник, сожитель?

– Если она не найдется в ближайшие дни живой и невредимой, тебе придется отвечать на эти неприятные вопросы в официальном порядке, – Мельников откашлялся. – Личную жизнь Елены Викторовны, хочешь ты того или нет, придется выставлять напоказ, по крайней мере, перед следователем. Положение щекотливое, понимаю. Но дело начато, офици-

ально принято к производству, придется идти до конца.

– Что значит, идти до конца?

– Это значит, что ты, именно ты останешься, по крайней мере, на первых порах, центральной фигурой всего следствия, – Мельников кашлянул в кулак. – Ты – главный свидетель. Будь готов ко всяким скользким вопросам и вообще ко всей этой тягомотине. Преступления в отношении бывших жен чаще всего совершают их бывшие мужья. Это статистика. Потом преступники приходят с заявлениями в милицию: найдите, жить не могу без нее.

– Ты на что, Егор, намекаешь? – Леднев свел брови на переносице.

– Да на то намекаю, что нет у тебя ключей от дачи, а от квартиры Елены Викторовны почему-то есть. Кто, по-твоему, убирался здесь, в доме, да так убирался, что не осталось даже следов пальцев? Все это у тебя спросят и запротоколируют ответы. В следующий раз вызовут тебя, зададут те же самые вопросы, но другими словами, заполнят протокол дополнительного допроса свидетеля и попробуют подловить на разночтениях. На месте того следака, ну, что все воду пил из графина, я так бы и сделал. За тебя взялся бы, как следует взялся. Думаю, он так и сделает, если не полный дурак.

– Ты думаешь, я поспешил, когда обратился в милицию?

– Уголовное дело не возбуждено и не будет возбуждено, пока не установлен факт исчезновения. Так что, не торопись сушить сухари. Слабое утешение, но человек не иглока.

– Хорошо, – кивнул Леднев. – С чего начнем?

– Вот с этого и начнем, – Мельников ткнул указательным пальцем в чистую страницу блокнота. – Вспомни имена всех друзей Елены, тех людей, с которыми она поддерживала отношения. А я пойду прогуляюсь. Где тут найти сторожа?

– Возможно, в сторожке валяется, болеет. Толку от него все равно чуть. У него два состояния: или пьяный, или с похмелья.

* * *

Мельников вернулся через час.

– Немного же ты вспомнил, – сказал он, принимая из рук Леднева блокнот. – Всего-то четыре имени.

– Раньше Лена знала пол-Москвы. Постепенно, как-то незаметно этот круг сужался и, наконец, превратился в маленькое колечко. Вот такое маленькое, – Леднев соединил большой и указательный пальцы. – Может, у самой Лены не оставалось сил на дружбу. В последнее время у неё часто были приступы депрессии.

– Первым ты поставил продавца-консультанта автосалона «Прима-Текс» Кирилла Михайловича Лучникова. Почему именно он на первом месте?

– Кажется, его продвинули по службе, теперь он старший продавец – консультант. Когда мы расставались с Леной, ну, когда все шло к концу, у неё была интрижка с этим Лучни-

ковым. Так мне тогда казалось. Просто интрижка. Они познакомились на международном автосалоне, точнее, их познакомили. Я, разумеется, смотрел на все это сквозь пальцы. Возможно, после нашего развода их отношения вошли в новую фазу. Мне известно, что Лучников несколько раз приезжал сюда и даже оставался ночевать.

– Что у него за машина, не помнишь? Хотя бы цвет её.

– Год назад была белая «восьмерка», теперь не знаю. Вообще этот Лучников моложе Лены, не знаю, почему она его заинтересовала. Сам он разыгрывает из себя такого мужественного типа, без лишних предрассудков и комплексов.

Мельников убрал блокнот в сумку, на смену ему достал и разложил на столике карту области.

– На втором месте у тебя некто Саня Почивалов. Это что за хрен?

– Наш с Леной общий знакомый. Сотрудничает с некоторыми газетами, рецензии и все такое. Вечно трется возле людей искусства, актеров, певцов, всем друг. Человек на подхвате: сбегай за бутылкой, помоги надеть шубу. «Вы служите искусству, я служу вам» – это его поговорочка. Из приличных домов его давно турнули, сомнительная личность.

– У него была связь с Еленой Викторовной?

– Упаси Боже. Далее в моем списке Инна Глебовна Бовт, массажистка, приезжала к Лене на дом. Чаще всего они пили кофе с ликером и сплетничали. А Лена щедро платила за эти визиты. Я как-то сделал невинное замечание этой Бо-

вт, после этого она прекратила посещать наш дом. Агафонова – это бывшая актриса, знакомая Лены по театру. Вряд ли она хоть что-то знает. Ты собираешься поговорить с этими людьми?

– Это успеется, – Мельников поводит пальцем по карте. – Дача находится примерно вот здесь. В районе как минимум две-три больницы и два-три морга. Прибавь к этому два соседних района, туда тоже нужно съездить. Значит, ещё как минимум четыре больницы и четыре морга. Еще плюс два ведомственных госпиталя.

– Мне тебя сопровождать?

– Вот уж нет, – Мельников мотнул головой. – От тебя только лишние вопросы. Желательно, чтобы ты находился дома, чтобы я мог с тобой связаться. Сиди, работай над своим сценарием.

– У меня башка другим занята, не сценарием.

– Тогда раскладывай пасьянс, это успокаивает, – Мельников сложил карту. – Теперь другой вопрос, финансовый. Мои услуги не будут стоить ни копейки. Но деньги все-таки могут потребоваться. Действовать придется, как частное лицо. А информация чего-то да стоит. Как думаешь?

– Сколько? – Леднев вытащил бумажник. – Не стесняйся, я сейчас при деньгах.

Глава вторая

Денисов посмотрел за окно, где солнце, скрытое прозрачным облаком, готовилось упасть за крыши высотных домов. Прекрасное время, пятница, конец рабочего дня. Прекрасная картина за окном, достойная большого художника урбаниста. Да, наблюдать за багровым светилом куда приятнее, чем, например, лицезреть плохо выбритую в неровных болезненных пятнах румянца физиономию генерального директора АО «Русь-Люкс» Дмитрия Николаевича Кудрявцева. Денисов механически кивнул головой, делая вид, что слушает начальника, оторвал взгляд от окна. Существуют правила приличия...

«Приличия? – спросил себя Денисов. – К черту. Еще соблюдать приличия перед этой тварью, которая, по существу, дает мне в зад пинка, вышвыривает меня, своего старшего агента, на улицу. Меня, сделавшего для риэлтерской фирмы столько полезного, заключившего сотни блестящих сделок. Меня скоро выкинут отсюда, как отработанный шлак. И я ещё вспоминаю о приличиях. Удавить бы Кудрявцева куском проволоки, шею ему сломать». Денисов закрыл глаза, представляя себе сцену расправы.

Кудрявцев потер лоб ладонью.

– Не я придумал всю эту ерунду с перерегистрацией риэлтерских фирм. Собственно, решение наверху ещё не приня-

то. Но надо ждать его с недели на неделю. А дальше ясно, что будет. Станут закрывать эти лавочки под любым предлогом: регистрационные документы не понравятся, уставной капитал, скажут, маловат. Они придумают.

Денисов изобразил на лице возмущение, пару раз хлопнул себя ладонью по бедру. Grimаса на лице вышла какая-то не такая, похожая на злобный оскал.

– Но главное, – Кудрявцев продолжал барабанить ногтями по столу, – главное, за новую лицензию при перерегистрации придется выложить уже не мешок, как раньше, а вагон денег. Они думают, если фирма занимается недвижимостью, то руководят ею обязательно воры, и эти воры обязаны содержать всех городских чиновников.

Кудрявцев произнес длинное заковыристое ругательство и замолчал.

– Значит, все кончено?

– Какое-то время ещё продержимся, ну, несколько месяцев. Это не принципиально. Все равно хороших перспектив не вижу. В конечном итоге лавочку придется закрывать. Или нас закроют. Все равно той малины, что была раньше, больше не будет. Сливки сняты. Прошла первая волна, когда жилье по дешевке покупали у пьянчужек. Прошла вторая волна, когда город прошли мелкими граблями. Прошла и третья волна перекупки купленного. Развелось слишком много конкурентов, шустрит всякая мелочь, свой навар снимают одиночки. Тесно нам всем.

«Да уж, ты из тех, кто успел снять навар, – думал Денисов. – И теперь можешь позволить себе изрекать сентенции и ковырять в носу остаток дней, пыхтеть папироской, рассматривая вершины гор в Швейцарии с её здоровым климатом. А как быть мне? Я ведь определенно опоздал. На свои деньги мне не раскрутиться. Значит, подбирать чужие крошки? И это в благодарность за все, что я для тебя сделал? Люди – свиньи, хуже свиней».

– Надеюсь, ты на меня не в обиде? – Кудрявцев вопросительно посмотрел на Денисова. – Больше пяти лет назад ты приехал в Москву. Ни кола, ни двора, на первых порах по чужим углам мыкался. Пришел ко мне, как к бывшему однокашнику, земляку, товарищу своему: пристрой на работу. Разве не я помог тебе тогда? За эти пять лет ты стал специалистом, каких поискать. Распадись наша фирма сегодня же, завтра у тебя будет работа куда лучше этой. Ты прекрасно знаешь рынок недвижимости, и столичный, и ближнего Подмосковья, обзавелся знакомствами. И сбережения наверняка имеются на черный день? – Кудрявцев подмигнул Денисову.

– Копейки, что это за сбережения, – Денисов поморщился.

«Последним идиотом я остался, если бы работал только на тебя, – подумал он. Вот выкинул бы ты меня на улицу с голой задницей, черный день настал. Хорошо, не был я дураком». Помимо своей квартиры, где Денисов проживал с престарелой теткой, он имел две двухкомнатные и одну трехкомнат-

ную квартиру в разных районах Москвы, но перепродавать пока не спешил, считая их приобретение удачным вложением денег.

– Сергей, от твоего вида молоко скиснет, будь повеселее, – Кудрявцев провел ладонью по макушке. – Закроется наша лавка, но жизнь на этом не заканчивается. Я тебе обещаю пристроить в хорошее место, останешься доволен.

– Надеюсь на вас, Дмитрий Николаевич. Вы сами знаете, тетка на моем иждивении, – сказал Денисов. – Останусь без приличного места, что мне тогда с ней делать? Не в интернат же сдавать старуху.

– Ладно, – Кудрявцев встал, обошел письменный стол и протянул Денисову руку. – Не переживай. А тетке от меня привет.

– У неё сегодня день рождения, – сказал Денисов, отвечая крепким рукопожатием.

Попрощавшись с секретаршей Кудрявцева, пожелав ей приятно провести выходные, Денисов заглянул в туалет, вытер лицо и руки бумажным полотенцем.

* * *

Он спустился к машине. Проехав несколько кварталов, он остановил «Жигули» возле булочной-кондитерской. Приятно, когда от дома до работы рукой подать. Он постоял минуту, вдыхая запах молодой зелени, рассматривая запущенный

фасад булочной, давно не знавший ремонта, с облетевшей штукатуркой и осыпавшимися углами. Да, именно здесь, на этом самом месте около пяти лет назад с ним случился приступ болезни, первый приступ в Москве. Тогда, радуясь, испытывая восторг от удачной сделки, он почти бежал к булочной за тортом, чтобы отпраздновать приобретение своей первой квартиры.

Квартира куплена за треть реальной цены у срочно выезжающих в Америку пожилых супругов. Новые, ещё более удачные сделки маячили впереди, переливаясь, как северное сияние. Только что на новой квартире за оставленным прежними хозяевами кухонным столом он выпил залпом два стакана шампанского, сидя на хромоногом табурете, закусил хлебом. Стояла теплая прекрасная пора бабьего лета, немного запоздалого. Денисов шел по усыпанному листвою мокрому асфальту мимо тихих деревьев. «Все впереди, все ещё впереди», – шептал он. Не то чтобы Денисову нужен этот торт, он равнодушно относился к сладкому, но в эту минуту он был не в силах усидеть в четырех стенах. Пробив чек, Денисов взял самый дорогой, тяжелый бисквитный торт с макушкой из бизе и цветного крема. Он поднял покупку за веревочку, выходя на улицу, прикрыл за собой дверь. Ржавая пружина скрипнула за спиной.

Денисов остановился, почувствовав внезапную слабость в ногах. «Начинается, – подумал он. Как некстати». Он подошел к ближайшему дереву и привалился плечом к его ство-

лу. Он стоял под этим деревом на газоне, но не чувствовал ни запаха недавнего дождя, ни приятного духа прелой листвы. Он чувствовал запах тухлого мяса, тяжелый, тошнотворный запах тухлятины.

«Начинается», – сказал он себе, прислушиваясь к спазмам желудка, сказал и впал в забытие. Через несколько минут спазмы желудка прекратилась, Денисов продолжал стоять, привалившись плечом к дереву, держа торт за веревочный узел. Внешне его поведение вполне укладывалось в рамки обычного поведения человека. Стоит мужчина под деревом, в руке торт, может, ждет кого или так остановился, передохнуть. Редкие пешеходы проходили по тихой улице к парку или в противоположную сторону, не обращая внимания на Денисова.

Булочная закрылась на обед. Во время перерыва привезли свежие торты, и Денисов, не двигаясь с места, наблюдал, как их разгружали. Один грузчик в синем застиранном халате из сатина вынимал коробки из пикапа и заставлял ими тележку, другой грузчик отвозил эту тележку через служебную дверь в магазин и разгружал торты в подсобке. Тележка исчезла в очередной раз, а Денисов уставился на перекуривающего возле входа в булочную грузчика. Вот тележка снова подъехала, грузчик принялся выставлять на неё новые коробки, одна на другую. Крышка верхнего, ближнего к Денисову торта, сбилась на сторону. Оглядевшись по сторонам, Денисов сделал несколько шагов вперед, вплотную подойдя к тележ-

ке, поднял свободную руку и ткнул указательным пальцем в открытый торт.

Палец глубоко вошел в его ещё теплую мякоть. Грузчики оставили работу и ошалело посмотрели на Денисова, переглянулись друг с другом. Тот опустил глаза и со всех сторон осмотрел указательный палец, ставший шоколадным. «Это глазурь?» – спросил он ближнего к себе грузчика и показал ему шоколадный палец. «Шел бы ты отсюда», – недобро сощурился грузчик и, сжав правый кулак, сделал шаг вперед. Денисов развернулся и, словно чувствуя опасность спиной, быстро зашагал прочь. На ходу он сосал палец. «Ходят идиоты всякие, – сказал один грузчик другому. – Сука, торт проткнул».

Лунатической походкой Денисов дошагал до парка и опустился на лавочку, поставив рядом с собой праздничную коробку. Он смотрел в одну точку, видимую только ему одному, смотрел и смотрел в странной апатии. Видимо, пока он сидел на лавке, прошел и закончился дождь, холодный, уже осенний дождь. Денисов не помнил происшедшего с ним, как всегда после приступа ничего не помнил. Он пришел в себя, когда какой-то мужчина потряс его за плечо. Приступ кончился. Приходя в себя, Денисов почувствовал слабость и озноб, он промок с ног до головы, до последней нитки.

Незнакомый мужчина стоял над ним, и все тряс и тряс за плечо. «Да, да, я в порядке», – сказал Денисов, едва ворочая занемевшим языком. Он наклонился, снял ботинки и вылил

набравшуюся в них дождевую воду. В темноте он различил на скамейке рядом с собой жалкие останки торта под прохудившейся коробкой, какая-то светлая мешанина из бисквита, крема и картона. «Да, я в порядке, все нормально, – повторил Денисов. – Теперь все в порядке. Перепил немного, думаю, дальше не пойду, лучше посидеть. И заснул», – соврал он.

«Вы уверены, что все в порядке? – мужчина стоял над Денисовым и, видимо, не собирался уходить. – Здесь в парке разная публика собирается. Пользуются моментом, чтобы обчистить пьяных. Бьют сзади по голове чем-нибудь тяжелым, бутылкой чаще всего, потом роются в карманах». «Значит, повезло, что голова цела, – Денисов поднялся с лавки, почувствовав неприятный холод прилипших к ногам мокрых брюк. Его качнуло в сторону. Он решил, что шампанского пить не следовало, спиртное провоцировало приступы. За что только ему эта напасть? От слабости его слегка покачивало, со стороны, видимо, он выглядел не совсем трезвым. Мужчина посмотрел на бледное лицо Денисова: „Пойдемте, я вас провожу“. Только теперь Денисов заметил поводок на руке незнакомца, за спиной мужчины крутился серый пудель.

Возражать у Денисова не нашлось ни сил, ни желания. Они шли аллеей, время от времени пудель задирает ногу у куста, останавливался. В верхушках деревьев, почти голых, среди ветвей заблудился молодой месяц, вдруг появивший-

ся на просветлевшем небе. За чугунной оградой парка, под уличными фонарями, бросающими на черный асфальт серебряные круги света, Денисов почувствовал себя бодрее, слабость прошла, как и не было.

«Кстати, где вы живете?» – спросил мужчина. Денисов назвал номер дома. «Стало быть, соседи, – мужчина улыбнулся. – А квартира, какая?» Денисов назвал номер квартиры и тут же пожалел о своей откровенности: сообщать первому встречному собачнику свой адрес глупо, неосторожно. «Значит, вы вместо тех евреев? Я живу этажом ниже, в шестьдесят пятой». «А вы по специальности случайно не врач? – поинтересовался Денисов. – Не растолкай вы меня, возможно, поутру на лавочке сидел бы хладный труп». «Милиционер. Мельников Егор Владимирович. Будем знакомы».

«Очень приятно, – сказал Денисов, в душе которого шевельнулось недоброе предчувствие, похожее на страх. Вот странно, первый сосед, с которым случилось познакомиться, оказался ментом, ну и хохма. – Очень приятно», – повторил он, испытывая совсем другие чувства.

* * *

Денисов постоял какое-то время у машины, вспоминая подробности того вечера пятилетней давности. Дверь булочной скрипела и хлопала. Ветер запутался в ветвях тополей и стих. Денисов сплюнул под ноги. Войдя в помещение, он

долго разглядывал торты и ценники за стеклами прилавка. Тетка любила сладкое и, пожалуй, останется довольна этим знаком внимания. Торт – это не какие-нибудь хлопковые чулочки и гребенка, – решил Денисов, склоняясь над прилавком. Он выбрал недорогой, но свежий торт и пробил чек.

Открыв дверцу «Жигулей», положил торт на сиденье рядом с водительским креслом, сел за руль и поехал к гаражу. Он поймал себя на том, что снова думает о тетке с чувством острого раздражения. Это раздражение поднимало со дна души какую-то темную беспросветную муть, Денисову становилось не по себе. Он едва сдержался, чтобы не пнуть носком ботинка в металлические ворота гаража. Замкнув створки на замок, он раскланялся с охранниками, играющими в карты в будке при въезде на стоянку, и, помахивая тортом, зашагал к дому.

Денисов остановился у светофора на перекрестке. Ожидая зеленого света, он расстегнул пиджак, постарался вспомнить что-нибудь приятное, отвлеченное, но накопившееся за последние месяцы раздражение, поворачивали мысль совсем в иное направление. «Живет со мной под одной крышей уж сколько лет, но так ничего и не поняла, не хочет ничего понимать, старая эгоистка, «– думал Денисов, ему хотелось выкинуть торт в первый попавшийся контейнер с мусором.

Тетка искренне верит, что жизнь её незаслуженно наказала. Дочь её умерла от рака. Но это когда было... Что ж, многие родители переживают своих детей. Муж её оставил. Так,

правильно сделал, что оставил. С ней бы и ангел не ужился, а он живой мужик из плоти и крови. Оставил муж... Это ещё не повод для вселенской скорби. А тетка и в этой истории считает себя пострадавшей стороной, только одну себя. Денисов перешел дорогу и зашагал к дому дворами. Раздражение крепло в душе.

* * *

Денисов вошел в подъезд и поднялся к лифту, забыв за своими мыслями как обычно заглянуть в почтовый ящик. В полумраке горела красным огоньком кнопка вызова лифта, две плохо различимые мужские фигуры маячили на светлом бетонном фоне шахты, проступающем сквозь решетку. Замедлив шаг, Денисов одолел две последние ступеньки к площадке, переложил торт в левую руку, правой нашарив связку ключей в кармане пиджака. Глаза после ясного вечера, больше похожего на день, не сразу привыкли к темноте подъезда. Денисов всмотрелся в лица мужчин и, выругавшись про себя, поздоровался.

Опять этот Мельников с нижнего этажа, этот мент, теперь уже бывший мент. Лицо второго мужчины показалось Денисову знакомым.

– Вы сегодня с тортом, какое-то торжество? – ответив на приветствие, спросил Мельников.

– У тети Тони сегодня день рождения.

Денисов улыбнулся, первым потянув вниз ручку двери, когда подошел лифт, и подумал, что Мельникова поперли из милиции за излишнюю любознательность. В свете загоревшейся в кабине лифта лампочки он узнал второго мужчину. Точно, кинорежиссер Леднев, собственной персоной. Накануне по телевизору показывали передачу о каком-то фестивале, этот Леднев долго распинался перед телекамерой, рассказывал, почему в нынешнем году жюри кинофестиваля не присудило ни одному из фильмов Гран-при. Точно, это Леднев. Пропустив мужчин вперед себя, Денисов закрыл дверцы и нажал кнопку этажа Мельникова.

– Вашей тете – мои наилучшие пожелания, – сказал Мельников.

– Обязательно передам.

Денисов снова улыбнулся, чувствуя, как в лифте пахнет свежим перегаром. Момент подходящий, лучше не придумаешь. Денисов быстро посмотрел на кинорежиссера. Тот с мрачным видом глядел куда-то в сторону, на дверь лифта с нацарапанным по ней ругательством.

– Простите, – сказал Денисов, обращаясь к Ледневу. – Я вас вчера по телевизору видел, – Денисов остался недоволен своим косноязычием.

Леднев посмотрел на Денисова взглядом, лишенным удивления или интереса.

– Спасибо, – сказал он.

Лифт остановился, Мельников уже распахивал дверцы.

– Хотел сказать, – Денисов кашлянул, прочищая горло. – То есть попросить. У вас в Киноцентре и Доме кино разные мероприятия проходят. Интересные. Прoshлый раз со знакомой девушкой туда пошел, – Денисов никак не мог сформулировать свою просьбу, злился и уже жалел, что начал этот неудобный разговор. – Пошли в Дом кино, думали, может, билет купим. Оказалось, все по приглашениям.

Леднев застыл в распахнутых дверях лифта и долгим взглядом, не мигая, смотрел на Денисова.

– Рекомендую, это мой сосед Сергей Денисов, страстный киноман, – пояснил откуда-то из лестничной темноты Мельников, топтавшийся где-то возле лифта.

– Не могли бы вы помочь с контрамаркой или, как это теперь называется, пропуском что ли?

– А, вот вы о чем, – Леднев кивнул, запустил руку в карман пиджака. – Тогда вам повезло. Меня тут самого пригласили в воскресенье на премьеру в Дом кино. А сходить некогда. Правда, фильм длинный, так что, подкрепитесь с вашей девушкой основательно, – он протянул Денисову приглашительный билет на два лица.

– Спасибо, везет мне сегодня, – Денисов помусолил в пальцах тонкий глянцевый картон. – Вот моя визитка, – он достал из нагрудного кармана карточку и отдал Ледневу. – Если понадобится дорого продать или дешево купить квартиру или дачу, обращайтесь прямо ко мне. Устрою.

– Обязательно, как только возникнет надобность, – пообещал.

шал Леднев.

«Действительно, везет мне сегодня, – подумал Денисов, нажимая кнопку следующего этажа. Какой-то взгляд у этого Леднева. Какой-то отсутствующий. Интересно, откуда у бывшего мента Мельникова такие знакомства? Режиссер... Знаменитый режиссер... Странно. Что этих людей может связывать, какие интересы? И этот запах свежего перегара. Неужели режиссеру больше выпить не с кем, только с бывшим ментом? Ладно, будет что Ире рассказать. Она любит разные истории про знаменитостей».

* * *

Скинув пиджак, Денисов вошел в кухню, держа впереди себя на вытянутой руке коробку с тортом. Тетка встала с табуретки. Денисов с торжественным видом передал коробку старухе, наклонившись, чмокнул её в щеку, чуть не оцарапавшись о металлическую оправу теткиных очков, и поздравил с днем рождения, пожелав железного здоровья и сто лет безоблачной жизни.

– Я и так зажила, – сказала тетка. – Спасибо, вспомнил. А то я сама запаматовала, когда у меня день рождения.

«Врет, старая, что забыла, – думал, принимая душ, Денисов. – Она никогда ничего не забывает. Курицу пожарила. У нас не было курицы, значит, в магазин ходила. Значит, хотела отпраздновать. Вот лживая порода, лишь бы соврать.

Забыла она, как же. А ещё в школе учительницей работала. Чему может научить детей такое создание природы? Вранью разве что, да и то нескладному вранью». Он вытерся свежим жестким полотенцем и даже крякнул от удовольствия. Накинув короткий искусственного шелка халат, он вышел из ванной и направился к кухонному столу.

Денисов чувствовал себя бодрым. Тетка поставила перед ним чашку кофе и блюдечко с куском торта. Денисов сделал глоток, крепкий кофе, в самый раз. Давящее раздражение уже уступило место благодущию.

– Сережа, – тетка внимательно посмотрела на него. – Как ты себя чувствуешь?

– Почему вы все время спрашиваете об этом? – он отложил в сторону чайную ложечку. – Я что, похож на больного? Когда мне будет плохо, без слов поймете. Только в следующий раз не бегайте просить о помощи этого мента с нижнего этажа. А то, как бы я ему ненароком голову не проломил.

Некоторое время они сидели молча.

– Минуточку, – сказал Денисов и исчез в своей комнате, вернулся с «Энциклопедией ручного вязания» в руках. Он протянул книгу тетке. – Незаменимая вещь, раритет. Говорят, книга лучший подарок.

– И ещё – источник знаний, – в тон ему ответила тетка. – Спасибо.

Допив кофе, Денисов уединился в своей комнате, набрав телефонный номер, пригласил Иру в Дом кино на премье-

ру шикарного фильма. Положив трубку, бесцельно побродил по комнате, осторожно заглянул в кухню. Он наблюдал, как тетка доедает кусок торта. А, доев торт, она почему-то заплакала.

Глава третья

Облик серого здания, занимавшего целый квартал Старой площади, неизменно навевал на Леднева скуку, от которой зевота сводила челюсти. Все здесь оставалось прежним, неизменным, каким было и пять и десять лет назад. Постное лицо контролера бюро пропусков, два офицера внутренней службы, проверяющие документы перед парадной лестницей. Леднев, предъявив паспорт и пропуск с отрывным корешком, поднялся к лифтам. Все те же серые однотонные стены, длинные коридоры, арочные перекрытия между ними, красная ковровая дорожка, высокие двери, шпунтованные натуральным деревом. Новые хозяева не тронули ни внешний, ни внутренний интерьер бывшего единого комплекса зданий ЦК КПСС и Московского обкома партии.

Сейчас, шагая к кабинету старого приятеля Чикина, Леднев думал, что бывший провинциал освоился в Москве на удивление быстро. После упразднения обкома партии получил хорошую должность в министерстве Внешнеэкономических связей, позже работая в Мэрии и вот снова здесь, на Старой площади, как и не было тех смутных лет.

Постучав в нужную дверь костяшками пальцев, Леднев потянул ручку на себя. Чикин, огибая письменный стол, на секунду задержался, чтобы выключить компьютер, зашагал навстречу, протягивая руку. Сильно пополневший в свобод-

ном двубортном пиджаке в серую клеточку, ярком галстуке, Чикин старался выглядеть моложавым, и это ему удавалось.

– Ты, Иван, совсем зазнался, – сказал Чикин, усаживая гостя за стол для посетителей. – Не заходишь, не звонишь, только по телевизору тебя и наблюдаю. Коньячку?

Леднев отказался, казенная обстановка Старой площади не располагала к возлияниям.

– Давай лучше к делу перейдем, – предложил Леднев.

– К делу, так к делу. Может, напрасно ты беспокоишься? Найдется твоя супружница. Знаешь, женщины такие существа, – чтобы точнее выразить свою мысль, Чикин сложил пальцы в щепоть и пошевелил ими. – Легкая интрижка, минутное увлечение, а она уже срывается с места, бросает все и мчится на край света. Неприятно, я понимаю. Но такова их природа, продажная женская природа. Когда от меня ушла первая жена, чуть с ума не съехал. Со второй женой было проще. Помог собрать ей вещи и предупредил: обратной дороги тебе нет.

– Слушай, Петя, все эти слова об интрижках, увлечениях, любовниках я уже сотни раз слышал от разных людей, а последний раз вчера от следователя, – Леднев полез в карман за сигаретами. – Поверь на слово, Лена не из таких натур. Внезапный отъезд неизвестно куда, без предупреждения, без звонка сыну. Это не в её характере.

– Иван, давай без дураков, скажи, что тебя связывает с этой женщиной? – Чикин прищурился. – Вы в разводе и ни-

чем друг другу не обязаны. Ты всю жизнь помогал своей жене, тянул её за уши, устроил в театр, выбил несколько выгодных ролей, хотя все на свете сомневались в её талантах. И что получил взамен? Ни хрена хорошего. По-моему, в последнее время она тебя компрометировала. Эти выпивки, сомнительные компании. Да она просто паразитировала на твоём добром имени. Ты видный режиссер, и рядом с тобой эта женщина.

– Давай не будем это обсуждать. В этом словоблудии мы только запутаемся. Пропал человек. И все, с кем приходится разговаривать, говорят примерно то же самое, что и ты. Вчера встречался в районном управлении со следователем, дело из отделения милиции передали туда. И даже от него слышу: что вас связывало? В каких отношениях вы находились? Пропал человек, а мы выясняем отношения. Сначала нужно разыскать Лену. Все остальное потом.

– И что, следователь толковый?

– Разыгрывает тупость или вправду тупой. Так знаешь, многозначительно сведет брови и спросит: не было ли в последнее время звонков с угрозами в мой адрес. А, так, не в курсе? Ага-ага. И снова сидит, придумывает очередную глупость. Спрашивает: у вас есть враги, а у вашей супруги есть? Я, конечно, понимаю, что моя проблема для этого следователя только лишняя головная боль. Но если дело выше его головы, пусть передаст его кому-то еще, грамотному человеку, с опытом. Так нет же. А передо мной делает вид, что

известно ему больше, куда больше, чем известно на самом деле. Этому, видать, только и научился в милиции.

– Как его фамилия?

– Да фамилия здесь ни при чем, – Леднев поморщился. – Ну, заменят одного дурака на другого, такого же умного. Мне-то не легче. Дело не двигается, да, собственно, и дела никакого нет. Несколько листков моих показаний. Может, завтра к ним прибавятся показания сына Юрки. Милиция уже побывала на даче Лены.

– Ты хочешь сказать, что отписал ей дачу? – Чикин смотрел на Леднева округлившимися от удивления глазами. – Ты даешь. Да это же целый особняк, двухэтажный кирпичный дом. Знаешь, сколько теперь стоит эта недвижимость?

– Да сколько бы он ни стоил, не имеет значения. Лене нравилось жить за городом. В Москве она проводила только зиму, да и то неделю здесь, неделю там. А я на дачу приезжал редко. Разъезды, съемки, жизнь на колесах. Поэтому я не возражал, чтобы дача досталась ей.

– Понятно, ты добрый человек. Промахнулся ты с дачей. Может, хоть сыну достанется.

– Ты так говоришь, будто Лены уже нет в живых и необходимо срочно поделить её имущество, – Леднев отодвинул в сторону пепельницу с окурками. – Пойми, все эти вопросы о даче, о кляче меня сейчас не интересуют. Женщинам люди почему-то не любят прощать. Ладно, Петр, что предлагаешь?

– Я позвоню в областную прокуратуру, попрошу, чтобы

они забрали дело из РУВД, приняли к производству. То есть я хочу сказать, что уже связывался с прокуратурой. Они возьмут дело. А там на их усмотрение, если сочтут нужным, пусть создают следственную группу. В прокуратуре сейчас работают очень ответственные люди. Ты, Иван, не с того конца начал свои поиски. Надо было сразу мне звонить. А сейчас дело может получить огласку. Газетам того только и надо, сенсация: исчезла жена знаменитого режиссера. Безутешный муж предпринимает самостоятельные поиски. Пойдут сплетни. Сам понимаешь, не каждый день у режиссеров жены пропадают. Перетряхнут все твоё грязное бельё.

– Да, голова у меня немного закружилась.

– Вот объясни мне, зачем ты подключил к поискам Елены Викторовны этого Егора Мельникова? И не делай удивленное лицо. Слухи, разговоры уже витают в воздухе, как магнитные волны, нужно только уши не затыкать, – Чикин поднялся со стула, обойдя письменный стол, взял телефонную трубку. – Приветствую ещё раз. Сирота на месте? Попроси, пусть ко мне поднимется, – положив трубку, Чикин вернулся на прежнее место. – Это фамилия такая, – пояснил он. – Папа, мама у Сироты имеются, и, кажется, ещё куча всяких родственников. Зовут его Владислав Михайлович.

– Я думал, у нас разговор тет-а-тет.

– Это свой человек. Я, когда курировал ГУВД, не успел глубоко вникнуть в их проблемы, перебросили на другой участок. А Сирота всю жизнь этими вещами занимается.

Ему можно верить.

* * *

Поднявшись со стула, Леднев пожал руку бесцветному мужчине неопределенных лет в сером, плохо глаженном пиджаке. Положив на стол перед собой тонкую папку, Сирота мельком глянул на Леднева и перевел взгляд на Чикина.

– Владислав Михайлович, расскажи нам о Мельникове, – сказал Чикин. – Я просил справки о нем навести, освежить информацию. А то вот Иван Сергеевич пользуется его услугами, а я убеждаю: делать этого нельзя.

– Мельников в уголовном розыске был фигурой заметной, – Сирота поднял глаза к потолку. – Человек со способностями. Закончил с отличием высшую школу милиции. В дальнейшем ему светила академия МВД. Работал в аппарате уголовного розыска. Следственная бригада под его руководством распутала несколько громких дел. Настойчивый, честолюбивый. Звание майора внеочередное получил. С ним связывали большие надежды.

– Это ясно, как Божий день, – оборвал Сироту Чикин. – Так, Мельников рассказывал, почему его из милиции поперли? – обратился он к Ледневу.

– Говорил, что ушел сам, – ответил Леднев.

– Дело это довольно темное, все его обстоятельства по сей день неизвестны, – Сирота наморщил лоб. – Не удалось тогда

по горячим следам все раскрутить, но кое-что все-таки узнали. Несколько молодых людей развлекались тем, что ездили на машине, принадлежавшей отцу одного из них. Ездили по городам подмосковным, поселкам, заманивали в машину девушек, отвозили их в лес или на пустырь, там насиловали. Трупы девушек обнаруживали в разных районах Москвы и в области, способы убийства отличались один от другого. Поэтому следственной группе, которую возглавил Мельников, долго не удавалось выйти на этих молодцов. В конце концов, их задержали.

Ну, подонки отъявленные. Всем немногим более двадцати, без определенных занятий. Здоровые, кормленые. И чего им не хватало? Девки что ли по доброй воле не давали? Поди теперь пойми. Все трое задержанных содержались в одном подмосковном СИЗО. Накануне последующих событий с обвиняемыми встретился Мельников. По словам контролеров изолятора, он угрожал расправой всем трем подозреваемым. А на допросе старшего по возрасту Бабаева несколько раз ударил. На следующий день труп одного из насильников, Олега Терентьева, обнаружили в камере, где кроме него содержались ещё тридцать заключенных. Он умер от побоев, обломок ребра воткнулся в сердце. Другой подозреваемый был задушен гитарной струной в туалете административного отделения. Он мыл этот сортир по приказу контролеров вместе с двумя другими задержанными. До своей гибели они просидели в СИЗО тридцать пять дней, следствие затягива-

лось, обвинение в установленный десятидневный срок им не предъявили.

Таким образом, из этой троицы в живых остался только один Бабаев. Ему и было предъявлено обвинение сразу по нескольким статьям. До суда он прошел обследование в институте имени Сербского. Судебно-психиатрическая экспертиза признала его невменяемым, шизофреником. Бабаев проходил лечение в Белых Столбах в течение года, выпущен оттуда под наблюдение районного психиатра. После выхода из стационара проживал на квартире родителей, из дома отлучался редко. Как-то вечером вышел прогуляться и не вернулся. Его убили прямо возле подъезда. До смерти забили кулаками. Представляете?

Сирота посмотрел на Леднева, видимо ожидая от него какой-то реакции на свои слова.

– А этот Бабаев был здоровый такой амбал, спортивный парень, килограммов сто веса, – Сирота снова наморщил лоб. – А его изуродовали, как Бог черепаху, голыми руками. Убили очень хладнокровно, врачи удивлялись. Эту сцену наблюдал из окна второго этажа местный общественник, пенсионер. Он и милицию вызвал, когда все кончено было. Раньше побоялся свет зажигать. Бабаева нашли ещё живого, он умер по дороге в больницу. Но сказать, кто его изувечил, Бабаев все равно не мог, потерял сознание. И, кроме того, во время этого избиения он откусил себе язык. Так вот, убийцу Бабаева этот общественник опознал. Убийцей оказался, да,

Мельников. В ГУВД начали служебное расследование, громкий судебный процесс тогда никому не был нужен, милицию и без того поносили на каждом углу.

Мельников в то время, когда произошло убийство, находился в отпуске, жил, по его словам, на даче, все шито-крыто. Но для профессионала обеспечить себе алиби, сами понимаете, пара пустяков. Мельникова на даче видели соседи, вместе с ним находился сын. Пенсионер – свидетель неубедительный. Старик, видит неважно, на дворе поздний вечер. Дело против Мельникова прекратили, хотя родители Бабаева стучались во все самые высокие двери. Мельникову предложили написать рапорт, он отделался легким испугом. Хотя были основания полагать, что к убийству подследственных в СИЗО он также причастен. К сожалению, такие основания есть.

Сирота замолчал, посмотрел сперва на Леднева, потом на Чикина.

– И этот человек помогает тебе в поисках Елены Викторовны, – Чикин казался расстроенным рассказом Сироты, хотя наверняка слышал его не в первый раз. – Только вообрази, что можно ждать от этого Мельникова. Он совершенно неуправляем. Какие запасы злобы нужно собрать, чтобы дожидаться, выдержать, когда этого идиота Бабаева выпустят из психушки. А потом забить парня до смерти. Ведь время прошло, все должно улечься, забыться. Это заложено в человеке природой, способность забывать, прощать, ведь Ба-

баева признали невменяемым. И нет оснований сомневаться в заключение экспертов. Он был и без того наказан, был болен, наконец. Но Мельников, видимо, ничего не забыл. Это просто ненормально, да он псих почище этого насильника.

– Ну, как я понял, вина Мельникова не доказана, – Леднев кашлянул в кулак. – Свидетель, сами говорите, особого доверия не вызывает, пенсионер со слабым зрением. Кроме того, у Мельникова алиби. Презумпция невиновности никем не отменена. Слово Мельникова против слова какого-то дедка слабовидящего. А Мельникова я знаю много лет, он консультировал мои фильмы. За время нашего знакомства я не замечал в нем таких черт, как злобность или жестокость.

– Тебе бы общественным защитником выступать, – Чикин нахмурился. – Непрофессионалов ты смог бы убедить. Но здесь другое. Если Владислав Михайлович, – он кивнул на Сироту, – говорит, что это дело рук Мельникова – так оно и есть. Ладно, я тебя предупредил. Возникнут проблемы – не жалуйся. И разве можно не доверять милиции?

– Я доверяю милиции, – честно ответил Леднев, – Но у меня сложилось впечатление, что милиции как-то не до меня, не до моих проблем. Она занята какими-то другими делами. Мне не хотят поверить, что Лена пропала.

– Не хотят поверить, – передразнил Чикин. – Если дело возбудили, значит, поверили. И не волнуйся: найдут твою Лену. Живой и здоровой найдут.

Сдав офицеру пропуск, отмеченный Чикиным, Леднев пе-

решел дорогу и сел на лавочку в сквере. Малиновое солнце скрылось за крышами домов, раскрасив город неземными красками. Редкие прохожие шли мимо, Леднев провожал их рассеянным тусклым взглядом. После разговора с Чикиным он почувствовал тяжелую давно не испытанную усталость.

Глава четвертая

Денисов обвел глазами убогую обстановку комнаты. Сервант без стекол с поцарапанной полировкой, два кресла с вытертыми до деревянной фактуры подлокотниками, бельевой шкаф, одну ножку которому заменяет стопка старых журналов, куча тряпичного хлама в углу. Ни телевизора, ни радиоприемника. До чего люди доводят свою жизнь.

Он зевнул в кулак. С этими пьяницами разговаривать скучно. У них в одно ухо влетело, а в другое уже вылетело. Устаешь повторять одно и то же, разжевывать самую простую мысль. В состоянии абстиненции они на все готовы, лишь бы стакан засосать, а выпьют, и не поймешь, чего от них ждать. Заснет прямо перед тобой на стуле, отключится, не дойдя до кровати, плакать начнет, жалеть себя, проклинать бывшую жену, вспоминать ребенка. Всегда можно такому типу поддакнуть, мол, теперь-то ты с деньгами, а где деньги, там и бабы, выберешь себе приличную женщину, жизнь наладится, у тебя все впереди, хорошая жизнь впереди. Такую чепуху всегда наплести можно, это действует.

Попадают среди алкашей и агрессивные сукины дети. Смотрят недоверчиво, и читаешь в этих глазах: пришел ты, гад, меня нагреть, турнуть из собственной квартиры, и доживать мне теперь свои дни на помойке или чердаке вместе с такими же, как я, отщепенцами, без своего угла и докумен-

тов. Сидит такой тип, посматривает на тебя исподлобья, и не поймешь, какая мысль зреет под этим лбом. То ли он чаю собирается предложить, то ли за кухонный нож схватиться. И лучше быть готовым к таким вот неожиданностям. Но этого хмыря, ещё окончательно не потерявшего человеческий облик, вроде безобидного, пожалуй, опасаться не стоит.

– Все мы находились в стесненных обстоятельствах, – сказал Денисов и посмотрел на человека, сидящего напротив, за круглым обеденным столом. – Такова жизнь: полоса неудач, полоса взлетов, – сделав это глубокомысленное заключение, замолчал, давая собеседнику время переварить мысль. – Так-то, Роман Андреевич.

Ткаченко внимательно выслушал риэлтера. Денисов перевел дух и глотнул жидкого чая, пахнувшего чем-то совершенно несъедобным, чем-то нечеловеческим, мокрым деревом, что ли.

– Я капну пятьдесят грамм? – Ткаченко кивнул на уже початую бутылку, что принес Денисов. Не дождавись ответа, плеснул водки в стакан. – А вы граммуюльку примете?

– Не могу на службе, – Денисов изобразил на лице горестную гримасу, мол, рад бы в рай. – Не могу, но и ты, Роман Андреевич, не того, – Денисов щелкнул себя пальцем по кадыку. – Первым делом самолеты.

– Само собой, дело вперед, – Ткаченко выпил и, не закусив, вытащил из пачки сигарету.

Денисов подошел к высокому подоконнику и, дотянув-

шпись рукой до форточки, дернул на себя ручку. Внизу шумел Ленинский проспект. Квартира, что и говорить, прекрасная. Ткаченко согласен, со старухой соседкой особых проблем тоже не предвидится, одинокая бабка. Дело на мази. Денисов, стоя к Ткаченко спиной, потер ладони. Он испытывал чувство душевного подъема, нечто вроде вдохновения. В такие минуты поэты, наверное, сочиняют самые удачные, самые лирические строки.

– А вы орденами не интересуетесь? – за автомобильным гулом Денисов едва расслышал слова Ткаченко. – Орденами и медалями, боевыми, – пояснил Ткаченко.

Денисов посмотрел на бутылку и понял, пока он ходил к окну, Ткаченко, быстрый на руку, успел отпить добрых граммов сто пятьдесят.

– У меня от деда остался орден Красной Звезды, медаль «За отвагу» и ещё несколько каких-то юбилейных. Пробовал в коммерцию продать, но они дают копейки какие-то. А орден серебряный и медаль тоже. В общем, тут коллекционер нужен.

Из груди Денисова вырвался стон.

– Роман Андреевич, я тебе целый день объясняю: теперь у тебя другая жизнь начинается, – сев на стул, Денисов убрал под стол недопитую бутылку. – Денег теперь у тебя будет, как грязи в этой комнате. И не нужно тебе ордена и медали деда своего заслуженного продавать. Храни как память о его героической личности.

– Да я его и не помню-то совсем, деда, – с исчезновением бутылки Ткаченко заметно погрузнел. – Думал, может, вы собираете.

– Не собираю.

– Ладно, кому-нибудь орден ещё предложу, – наклонившись, Ткаченко заглянул под стол. – Осторожно, ногой бутылку не уроните. Так что вы говорили там насчет комнаты моей? Не все я понял, не все тонкости.

– Да это просто, система давно отработана и действует, – Денисова раздражала бестолковость Ткаченко. – Комната твоя не приватизирована? Значит, быстро оформить нашу сделку нельзя, время нужно. Продажу таких комнат лучше всего проводить путем их обмена. У меня есть подставная приватизированная комната, оформленная на мое имя. На мое имя, понимаете? Мы её обмениваем на продаваемую комнату, на вашу то есть. Понял? А после получения ордера и моей прописки в новой, то есть вашей комнате, вы заключаете со мной договор купли-продажи на бывшую мою подставную приватизированную комнату. Ну, чтобы она официально вернулась мне. Так вот, заключаем договор купли-продажи на подставную комнату, а сам прописываешься куда хочешь. Вся эта операция займет недели две-три, но услуги по оформлению сделки обойдутся мне лично в полторы тысячи долларов. Эти расходы поровну. Теперь понял?

– С трудом. Как говорится, без бутылки не разберешься.

– Подожди ты со своей бутылкой, – Денисов постарался

улыбнуться. – Твоя сестра тебя точно пропишет?

– Она одинокая, инвалид третьей группы. Пропишет, куда ей деваться.

– Это, в общем-то, твои проблемы, – сказал Денисов. – Просто знай, если сестра откажет, придется тебе из Москвы выписываться.

– Я вам верю, – сказал Ткаченко. – Сейчас с квартирами многих обманывают. Остаются люди без денег на улице. Но вам я верю.

– Я представляю серьезную фирму, – сказал Денисов и ещё раз обвел взглядом просторную комнату, прикидывая, в какую сумму обойдется ремонт. – Если бы вы позвонили по частному объявлению, наверняка наткнулись бы на аферистов. Когда имеешь дело с солидной фирмой, риск равен нулю, – он самодовольно надул щеки.

– А нельзя ли мне получить авансик небольшой? – Ткаченко, послунявив указательный палец, потер им о большой палец. – Вроде как задаток.

– Вообще-то выдавать задаток не в моих правилах, это как-то несолидно, – Денисов почесал затылок, он был готов к этому вопросу. – Но из любого правила можно сделать исключение.

Он запустил руку в пиджачный карман, достал бумажник. «Еще пойдет пропивать свои ордена, – подумал Денисов. – Нарвется на неприятности, задержат до выяснения обстоятельств, а там жди, когда его выпустят. Из-за мелочи может

вся сделка сорваться». Он вытащил из бумажника несколько купюр, но сразу их Ткаченко не отдал.

– Одно условие. Никаких загулов. Завтра с утра нам с тобой в паспортный стол идти. Придешь туда пьяным, отправят обратно. Понял? Чтобы как штык. Держи, – он протянул Ткаченко деньги.

* * *

Обшарпанное здание в районе Марьиной роши, пустые коридоры медицинского центра «Московский психиатр», две женщины, сидящие рядом, шепотом беседуют друг с другом. Денисов прошел мимо них, на ходу посмотрел на часы, отметив, что явился точно к назначенному часу, минута в минуту. Из-за двери в конце коридора слышались приглушенные голоса, но слов Денисов не разобрал. Постучав в дверь, он увидел в открывшемся проеме веселое лицо медсестры: «Вы записаны?» Он ответил, что записан и назвал свою фамилию. Сестра кивнула и попросила подождать пять минут в коридоре. Денисов опустился на жесткий неудобный стул, пятерней откинул со лба прядь волос и расстегнул пуговицу пиджака.

Сейчас он испытывал легкое волнение, сегодняшней визит к профессору Синенко кое-что значил. Да что себя обманывать, возможно, этот разговор определит всю будущность. Он расслабил узел галстука. «Ладно, что бы ни сказал про-

фессор, его слова будут лишь полуправдой, – сказал себе Денисов. – Врачи вечно драматизируют ситуацию. Их только слушай, только уши развесь и сразу поверишь, что тебя уже пора закапывать». Денисов подавил нервный зев. Встать и уйти, пропади все пропадом. Пять лет жил он без этих врачей, даже диспансеризацию не проходил, ещё пятьдесят проживет.

Проживет ли? Денисов задумался. Бесспорно, Синенко один из лучших специалистов в Москве. Говорят, он ученик покойного профессора Шеффера, заведовавшего кафедрой Свердловского мединститута. А Шеффер – авторитет непрекаемый, мировое светило. В свое время проводил исследования над Розой Кулешовой, глубже всех из тогдашних врачей влез в подкорку мозга. Что бы ни сказал Синенко, нужно отнестись к его диагнозу спокойно, по-мужски, – решил Денисов. Конечно, о том, чтобы сейчас же немедленно лечь в клинику, и речи быть не может. Амбулаторное лечение, таблетки – это куда ни шло, хотя толку в таком лечении чуть.

«Шесть лет назад я уже прошел через психушку, – думал Денисов. – Полтора месяца в компании дебилов, деградировавших алкоголиков – это слишком долго. И где результат этого лечения?» Потом, после выписки, два раза в месяц к нему на дом приходила патронажная сестра, оставляла лекарства. Он угощал сестру чаем с баранками, выслушивал её жалобы на жизнь, на пьющего мужа, на злого свекра, на погоду... Казалось, эта баба только жаловаться и умеет. Де-

нисову иногда хотелось спросить у сестры: «Скажи, а за что меня жизнь так обидела?»

Но он ни о чем не спрашивал и ни на что не жаловался. Он пил чай и рассказывал анекдоты. «Вы совсем не похожи на больного», – говорила сестра. «Больной тот, кто считает себя больным, – отвечал Денисов, – а больным я себя не считаю, значит, я здоров». «Ну и логика», – говорила сестра. Денисов все примеривался, не затащить ли сестру в постель, но отказался от этой затеи, уж больно она страшна, хотя ещё довольно молодая, свеженькая. Оставив лекарства, она ушла и всегда смотрела на Денисова как-то странно, с надеждой что ли.

Сильные транквилизаторы – вещь дефицитная в периферийном городе. Среди алкашей и наркоманов всегда найдутся денежные люди, готовые за эту дрянь дать хорошие деньги. Денисов раскладывал в мелкие бумажные пакетики по три таблетки фенобарбитала, ударная доза, и отправлялся по знакомым адресам. Отменный по тем временам приработок. Из любой трагедии можно извлечь выгоду, из личной трагедии в том числе. Тем умный от дурака отличается, что умеет любой минус в плюс превратить. Но шальные рубли слабое утешение. Да и уходили они, как песок сквозь пальцы. Денисов вспомнил, какие суммы он выручал за лекарства, так, семечки. Большие деньги трудно сделать в провинции, не тот масштаб, не та людская психология.

В мастерской по ремонту холодильников нашли предлог

избавиться от него. Закон, как всегда, на стороне начальства. «Пойми, Сергей, с твоей болезнью нельзя работать с электроприборами, – сказал заведующий мастерской. – Один раз тебя уже током тряхнуло. Чуть дуба не врезал, врачи откачали, им спасибо. Давай не будем снова судьбу искушать. Другой раз так легко не отделаешься. И мне по шапке дадут, если начальство узнает. Скажут, почему держишь на опасной работе, рядом с электричеством больного человека», – он, видимо, хотел добавить «эпилептика», но почему-то постеснялся произнести вслух это слово. «Чуткий ты человек, – улыбнулся в ответ Денисов. – О людях все радеешь. Давай, рассчитывай меня. А напоследок желаю, чтобы и вас, Василий Родионович, током так долбануло, чтобы вы из порток своих грязных вылетели».

Идиоты. Ну что они понимают в медицине, что знают о его болезни? Эпилепсия – звучит пугающе. В их понимании эпилептик тот, кто без видимой причины вдруг валится с ног, бьется об пол головой и пена хлещет изо рта, как из пасти бешеной собаки. Денисов видел таких в клинике, нормальные с виду люди, потом бах – и понеслось. Один такой в столовой во время приступа опрокинул на свою промежность миску горячего супа. Припадки – зрелище не из приятных, но только и всего. Страшны не сами приступы. Страшно, когда на тебя косятся, как на прокаженного. О бессудорожной форме эпилепсии многие и представления не имеют, но от этого не легче.

– Заходите, пожалуйста, – блеснула и исчезла лысая голова профессора Синенко.

Денисов поднялся, легкое волнение не улеглось. Он толкнул дверь, поздоровавшись, переступил порог. Синенко мыл руки, склонившись над раковиной в углу кабинета. Профессор снял с крючка полотенце. Опустившись на стул, Денисов бросил взгляд на остатки обеда на дальней тумбочке: кусок недоеденного хлеба с маслом, пустая банка из-под рыбных консервов, полстакана чая. Профессорская трапеза.

– Что, я безнадежен?

Денисов задал свой главный вопрос полушутя, полусерьезно.

– Результаты анализов готовы, – сказал Синенко вместо ответа. Он разматывал на столе бумажный рулон, разглядывая начертанные на бумаге три волнистые линии. – Это ваша электроэнцефалограмма, что прошлый раз делали. Запись биотоков головного мозга.

– Да, мозг, я вижу, ещё работает, – невесело пошутил Денисов.

Прошлый раз в соседней комнате медсестра с веселой физиономией уложила его на кушетку, утыкала голову какими-то присосками, нажала кнопки на металлическом ящичке.

– И о чем вам говорят мои биотоки? Жить буду?

Синенко продолжал разматывать бумажный рулон.

– Расскажите, как вы получили эту травму мозга.

– Дело давнее, – Денисову трудно было начать. – Это произошло более шести лет назад. Я тогда работал мастером по ремонту холодильников. Но не отказывался ни от какой халтуры. Однажды знакомая попросила меня подключить ей новую электроплиту. Короче говоря, плита оказалась неисправной, меня долбануло током. Триста восемьдесят вольт. Это, знаете, ощутимо. На две-три минуты я потерял сознание. Пришел в себя, лежу на полу, хозяйка набирает телефон «скорой», думала, что я уже того...

– В какое место вас ударило током?

– В плечо ударило, дело летом, жарко, на мне майка без рукавов, голым плечом я коснулся провода.

– Компьютерная томограмма показывает рубцовое изменение в лобно-теменной области. Поэтому можно заключить: причиной рубцовых изменений мозга стала эта самая электротравма. Да, трехфазный ток, напряжение триста восемьдесят вольт может вызвать подобные изменения. Вот и элептогенный очаг. Скажите, когда вы пришли в себя после электрошока, на плече остался какой-то след?

– Да, на правом плече и на правой ладони были видны такие красноватые неровные линии, похожие на молнии, – Денисов повернул к глазам правую ладонь и посмотрел на неё так, будто давняя отметина проступила вновь. – Позже,

спустя какое-то время, эти молнии исчезли. Потускнели и исчезли.

– Вам повезло, – профессор отложил ручку в сторону. – Если бы ток прошел сквозь сердце, мы бы здесь не разговаривали. Вы, батенька, из везунчиков.

– Я ведь заработал эпилепсию.

– Вы остались живы, это главное, – сказал Синенко. – Головные боли начались сразу после той травмы или несколько позднее?

– Спустя месяц, может, полтора. Сильные головные боли, но они довольно быстро прошли. Позднее со мной начались какие-то странные вещи. Я начал как бы выпадать из событий. Сiju, например, разговариваю с человеком, ну, как с вами, и вдруг отключаюсь от происходящего, будто кто-то щелкнул кнопкой в моей голове и я выключился. Потом этот кто-то снова щелкнул кнопкой, включил меня, как робота. То время, когда я был отключен, я не помню. Есть для этого, наверное, какой-то медицинский термин.

– Птималь – так это называется, – уточнил Синенко, – малоэпилептические припадки. – Вы испытывали какие-то ощущения перед началом приступов?

– Вот разве что запах. Неприятный запах, будто тухлым мясом пахнет. Очень резкий. Но он, этот запах, появился уже позже, когда приступы стали длительными. Возникает он откуда-то, а следом, через одну-две минуты, начинается приступ.

– Когда вы впервые обратились к врачу?

– Обратился, но не я, родственники, – сказал Денисов. Это было неприятное воспоминание. – У меня начались, ну, эти исключения, а тетка вызвала психиатров. Приехали врач и два санитаря, я пришел в себя уже в психушке. А я был в беспамятстве.

– В сумеречном состоянии, – поправил Синенко.

– В общем, обо всем, что со мной происходило во время последнего приступа, я узнал позже, когда выписался из больницы. Тетка рассказывала: я вдруг перестал её узнавать. Зачем-то взял телевизор и попытался его вынести из квартиры. Тетка позвала соседей, те встали у меня на дороге, начали уговаривать. Тогда я поставил телевизор на пол и ударил соседа по лицу, оказалось, сломал ему нижнюю челюсть.

– Не мудрено при вашей комплекции и росте, – вставил Синенко. – На будущее, попросите родственников больше не звать соседей, если случится что-нибудь подобное. Знаете, бессудорожная эпилепсия – болезнь плохо изученная. Процессы, происходящие на уровне подкорки, не ясны по той причине, что сама подкорка мозга плохо исследована. И все-таки унывать не следует. Сейчас много новых лекарств, хороших. Скажите, в последнее время как часто повторяются эти приступы? И сколько они длятся?

– Приступы бывают один-два раза в месяц. Длятся они по-разному. Бывает, час, бывает, дольше.

– Мне нужен честный ответ: мои дела плохи?

Стало слышно, как дождевые капли барабанят по подоконнику.

– Могу сказать уверенно: изменения пока далеко не зашли. А вы сами не замечали за собой, что ваш характер начинает меняться? Появились несвойственные вам раньше злобность, злопамятность, расчетливость, педантичность?

– Не могу ответить с уверенностью.

– Вы сами настаивали на откровенном разговоре. А правда такова: у вас без регулярного лечения может наступить слабоумие. Конечно, не сразу, со временем, с годами. Много будет зависеть от вас.

– Моя болезнь вообще лечится?

– Слабоумие можно отсрочить, оттянуть, – Синенко повертел в пальцах ручку. – На очень длительную перспективу. В прошлый раз вы, Сергей Сергеевич, рассказывали, что работаете маклером. Значит, ваш рабочий день длится двенадцать, а то и четырнадцать часов. Это много, даже слишком много. А лично для вас просто убийственный график. Я понимаю, вы делаете деньги, это интересное, захватывающее занятие. Но не для вас, такая работа вам строжайшим образом противопоказана. Болезнь начинает быстро прогрессировать. Наступит ухудшение, может, в самом скором времени неминуемо наступит. И вот ещё что, – Синенко чмокнул губами и снял очки. – Это важно. Может случиться такое, что вы нарушите закон, совершите преступление.

– В таком случае безнаказанность мне обеспечена? – шу-

тя, спросил Денисов.

– Если преступление совершено в сумеречном состоянии и экспертиза подтвердит этот факт – безнаказанность обеспечена, – лицо Синенко оставалось серьезным. – Но симулянтов разоблачают. Вернемся к нашей проблеме. Вы, Сергей Сергеевич, поймите, я не драматизирую ситуацию. Вот передо мной ваша компьютерная томограмма, вот электроэнцефалограмма, можете забрать их с собой, показать другому специалисту. Скорее всего, вам скажут то же самое, что сказал я. Нужен покой и ещё раз покой, меньше работы, меньше нервной нагрузки. Лучше, если есть такая возможность, вообще закончить свою трудовую деятельность. Сбалансированная диета, полное воздержание от спиртного. На худой конец, сделайте хотя бы годичный перерыв. И, наконец, необходимо длительное стационарное лечение, для начала – обследование.

– Значит, опять в психушку? – Денисов смотрел куда-то в пространство. – Один раз я уже побывал в таком заведении, возвращаться туда мне не хочется. Компания слабоумных. Словно в будущее свое заглядываешь. Один мажет говно на хлеб, другой мочится на стену в коридоре, третий голяком гуляет. Я же не такой, пока что не такой.

– От этой компании вас избавят, за определенную, весьма скромную плату, избавят, – Синенко надел очки. – Условия создадут. Конечно, это не пятизвездочный отель. Но речь о вашем здоровье, здесь можно пойти на определенные

неудобства, – он на минуту замолчал. – Хочу вот что сказать. Вы мужественный человек. Вы спокойно отнеслись к моим словам, моему диагнозу.

* * *

Денисов, выйдя на воздух, постоял под дугообразным козырьком подъезда. Он чувствовал усталость и разочарование. Капли влаги, подхваченные ветром, летели мимо, садились на пиджак и брюки. Жадно затянувшись сигаретой, он смотрел, как неся по мостовой темный ручей и исчезал под решеткой сливной канализации. Нет, не за этими словами он пришел к Синенко, не этих ждал: клиника, обследование, хорошие условия, покой, диета. Все лишь слова, пустые слова, мусор. Лечь в московскую клинику – значит засветиться, снова попасть на психиатрический учет. Выходит, псу под хвост все планы. В свое время он перечеркнул всю прожитую жизнь, женился, взяв фамилию жены. Потом отъезд, похожий на бегство. Заметены все следы. И вдруг снова клиника.

«Вот устроюсь на новом месте в Москве, – сказал он, прощаясь с женой на вокзале, – и сразу вызову тебя. Зачем нам с тобой прозябать в провинции? Какие тут перспективы? Опять ремонтировать холодильники? На эту работу меня больше не возьмут. А больше я ничего не умею, ничего. Я умею только ремонтировать холодильники». Стоял такой же, как сейчас, дождливый день, казалось, в город раньше

срока пришла осень. Они с Машей дожидались поезда под этим дождем на перроне, у его ног стоял чемодан, битый чемодан с металлическими углами. С ним Денисов уходил в армию, с ним вернулся на гражданку. В этот старый чемодан вместились все его вещи, все имущество, вплоть до последней пары белья.

Он ехал в Москву, взяв фамилию жены и этот чемодан. Столица ждала его, его ждал город больших надежд и больших денег. Там уже обосновались, осели товарищи по армейской службе, земляки. Они помогут хоть на первых порах, а дальше уж он сам. «Приедешь в Москву, ахнешь, там у нас будет совсем другая жизнь, совсем другая, – говорил он жене. – Там мне не нужно будет ремонтировать холодильники. Пойми, наш город это маленький мирок, он нам тесен, мы выросли из него. А в Москве стану работать в какой-нибудь солидной фирме, их много в Москве». Жена, кажется, верила, она кивнула головой, но тут же возразила: «У тебя всего десять классов. В фирму не возьмут с таким образованием. Нужен институт». Он рассмеялся: «Институт теперь нужен тому, кто собирается с голоду умирать».

Дождь шел и шел, а поезд задерживался. Это тягостное ожидание становилось вовсе невыносимым. Денисов просил жену уйти, но она оставалась стоять рядом, сжимая ручку зонтика. И непонятно, слезы блестели на её щеках или дождевые брызги. В эту минуту Денисову казалось, что он любит свою юную, такую милую жену, казалось, все случит-

ся точно так, как он обещает, они обязательно увидятся в Москве, начнется другая жизнь, счастливая, и радостная. В своих обещаниях он не видел лжи, не видел даже легкой натяжки.

Наконец подали поезд, Денисов поднял чемодан, свободной рукой обнял жену. «Сколько времени пройдет, пока мы увидимся? – она поднесла свое лицо к его лицу. – Сколько мне ждать?» Он улыбнулся: «Ты жди». Он чмокнул жену в щеку, похлопал рукой по худой спине. «Скоро все устроится, а ты жди моей телеграммы или письма», – он ещё раз поцеловал жену и подумал, что она, наверное, его очень любит. Иначе не мокла бы здесь на перроне. Денисов помахал Маше из окна вагона. Поезд тронулся, фигура жены под цветастым китайским зонтиком исчезла из виду. Больше они никогда не встречались.

Развод он оформил на втором году своей столичной жизни. В коротком письме попросил прощения у Маши, написал, что не создан для семейной жизни, вообще плохо себя чувствует в последнее время, скорее всего, придется лечь в больницу и надолго. Позже он ругал себя за это письмо. Чего доброго. Маша ещё примчится в Москву, её сердце всегда распахнуто для жалости, готово к прощению. Только кому нужно это прощение? – спросил себя Денисов. И сам себе ответил: ей самой и нужно, ей одной, чтобы себе самой казаться лучше.

Не нужно было писать ей в слезливом тоне, поминать ка-

кую-то больницу, в которую ему якобы предстояло залечь. Это лишнее. Нужно так, коротко и ясно: мол, нашел другую женщину, не вижу смысла в нашем дальнейшем союзе. Очень сухо, очень холодно. Такое письмо, унижительное для женского достоинства, не побежишь показывать всем встречным поперечным.

Денисов затянулся сигаретой. Отброшенный щелчком пальца окурок исчез в мутном ручье.

* * *

На улице и вправду посвежело после дождя. В мелких лужах дрожало серое небо. Глотнув прохладного свежего воздуха, он вошел в подъезд офиса. У лифта в отгороженной перегородкой камерке читал газету пожилой охранник Перегудов, имя и отчество которого выпало у Денисова из головы. Поздоровавшись, Денисов спросил, не ушел ли Кудрявцев. Охранник, которому, видимо, надоело одинокое сидение с газетой в своей будочке, ответил, что начальника не было уже с обеда и вообще все давно разошлись. Перегудов пересказал Денисову анекдот, показавшийся тому слишком сальным. Натужно, с усилием рассмеявшись, Денисов заспешил к лифту.

Поднявшись на этаж, он, не зажигая света в коридоре, прошел к приемной Кудряцева. Убедившись, что дверь закрыта, он вытащил из кармана связку ключей и выбрал нуж-

ный. Здесь, в приемной, можно ничего не опасаться. При самом неблагоприятном стечении обстоятельств легко вывернуться. Возникни на пороге Кудрявцев или референт Люба Гусева, хотя вероятность их появления близка к нулю, можно сказать, что ему необходимо составить деловое письмо, а пишущая машинка и принтер в их комнате не контактят, ткнулся сюда, дверь оказалась открытой.

Заняв место референта, он зажег настольную лампу, вытащил из второго сверху ящика стола два стандартных листка писчей бумаги. Он включил пишущую машинку в сеть, держа листки за самый край, заправил их в каретку. Текст письма можно будет восстановить по следам на нижележащем листке бумаги. Наверняка в помещении «Русь-Люкс» милиция проведет обыск, конечно же, заинтересуется рабочим столом референта Кудрявцева. Если следователь не окажется полным дураком, именно с этого стола и начнут обыск. А в нижнем ящике, под коробочкой с конторскими скрепками найдут, безусловно, найдут второй листок, служивший подложкой, листок с откопированным на нем в виде бороздок текстом.

Следователь сможет здесь же, прямо на месте, восстановить текст этого письма. Нанесет на бумагу порошок, который осядет в бороздках текста, – и готово дело. А может, отправит бумагу в лабораторию, где лист, уже ставший вещдоком, сфотографируют в условиях теневого освещения, потом идентифицируют машинку, на которой он напечатан. Не

важно, как все это произойдет. Общая канва сценария остается неизменной.

Денисов на минуту задумался. Каким слогом изъясняются разгневанные обманутые женщины? Какую тональность письма взяла бы Люба, приди ей в голову идея написать такое письмо? Текст должен быть бессвязным, женщина писала его в приливе чувства, плохо соображая, не выбирая слов, не обдумывая в деталях содержание письма. Опять же, влияние настроения, сильных чувств. Эмоциональный накал должен возрастать к концу письма. Гусева – референт, вполне естественно, что она не пишет от руки, а пользуется машинкой. Несколько ругательств тоже не помешают, женщины умеют ругаться, только до случая маскируют эту свою способность. Так, хорошо. Что еще?

Он держал в голове несколько вариантов этого письма. Все они не так уж плохи, но больно уж приглажены, вымучены, обдуманы, стилистически оформлены. Нет, не годится. Письмо разъяренной женщины это прежде всего плод её настроения, сиюминутной агрессии. Денисов достал из кармана пачку сигарет и зажигалку, прислушался. Лифт стоял на месте, в пустом коридоре не слышно даже легкого шороха. Какое выражение употребила жена по отношению к мужу, когда застала его с бабой в постели? Это в том анекдоте, что рассказывал охранник внизу. «Грязная обезьяна», кажется. Могла бы и покрепче. Ладно, и это пойдет, хотя Кудрявцев внешне обезьяну не напоминает. Все равно пойдет.

Денисов стряхнул пепел в корзину для бумаг. «Грязная обезьяна», – нормально. Он раздавил окурок в пепельнице, отступил абзац, прикоснулся пальцами к клавиатуре машинки. «Пишу тебе, потому что не вижу иного способа пообщаться. Ты избегаешь меня демонстративно. Отказываешься разговаривать со мной, а если и разговариваешь, то только о делах, даешь поручения, приказываешь. Мне это надоело. Если ты не чувствуешь, что я человек, то в моей душе капля самоуважения ещё осталась. Когда я была тебе нужна, ты пользовался мной, как хотел, делал со мной все, что тебе вздумается». Денисов остановился.

Пожалуй, ничего, с настроением. Пусть там менты гадают, что делал Кудрявцев со своим референтом, пусть рисуют в своем воображении картинки и пускают слюни. «Ты использовал меня как женщину. А теперь даешь пинка. Ты не думаешь о последствиях, тебе наплевать на последствия. А они, уверяю тебя, будут, если ты не изменишься ко мне. Хотя мне теперь уже все равно. Ты вытер о меня ноги – вот твой выбор, грязная обезьяна».

Перед тем как продолжать письмо, Денисов сунул в рот новую сигарету. Чудесно, вот и «грязная обезьяна» пригодилась.

Глава пятая

Оставив машину на заднем дворе больницы, Мельников обогнул лечебный корпус, гаражи и трансформаторную подстанцию. В этом заштатном городке, в этой больнице он бывал, когда работал в милиции, и хорошо помнил, где расположен морг. Мельников чертыхнулся, угодив начищенным до блеска ботинком в грязную лужицу, остановился на минуту, разглядывая обувь, и зашагал дальше к заметной изда-лека дырке в заборе. Слава Богу, Леднев не увязался с ним в эту муторную экскурсию по моргам. Хватило ума отказать ему. Да, эти визиты в трупохранилища не прибавляют жиз-ненной энергии.

Накануне Мельников посетил судебный морг в другом конце города, представившись сотрудником московского уголовного розыска, попросил дежурного судмедэксперта показать неопознанные трупы. Осмотрев тела, задумался, не позвонить ли Ледневу. Тело женщины, лежавшее на полу рядом с батареей отопления, по возрасту и комплекции примерно соответствовало пропавшей Елене Викторовне, но опознать погибшую Мельников так и не смог. Труп, неглубоко прикопанный, заброшенный сверху еловым лапником, обнаружили дачники в лесопосадках возле самого города. Вернее, не сам труп, а то, что от него осталось. Голова и кисти рук были отрезаны убийцами, впоследствии их так и не на-

шли, с тела срезали родинки.

«Труп пытались расчленить, – пояснил врач. – Но в последний момент, видимо, решили не возиться. Ограничились головой и кистями рук, скальпировали родинки. Не исключено, преступникам кто-то помешал довести работу до конца. А может, решили, сойдет и так. Причина смерти колото-резаная рана в сердце. А лесные грызуны, – он указал пальцем на бедра и предплечья трупа, – грызуны доделали то, что не успели преступники. Мягкие ткани частично обглоданы. Теперь её и мать родная не опознает».

Мельников спросил, когда истекает срок хранения трупа. «Да какие тут сроки, – отмахнулся судмедэксперт. – Мы не формалисты. Пока идет следствие, пусть лежит. Может, ещё голова найдется». «А время, точное время наступления смерти, его вы установили?» – Мельников стоял перед трупом, решая, что делать дальше. «Вы хотите слишком многого, – врач развел руками. – Привезите мне свежий труп, определю время смерти с поправкой в пять минут. Тут совсем другой случай. И поправка другая – дня два-три... Она умерла примерно тридцать суток назад, ну, плюс минут несколько дней». Мельников все не уходил, все стоял, разглядывал эти жалкие останки человека. «Конечно, никаких носильных вещей на ней не было?» – спросил он. «Конечно», – ответил врач.

Нет, это не Елена Викторовна, скорее всего не она. Надо объехать все оставшиеся морги и больницы, и если уж там не

окажется тела, придется возвращаться в тот судебный морг уже вместе с Ледневым. Лучше так и сделать. Леднев не историчная девица, выдержит эту процедуру.

Осторожно, чтобы не испачкаться, Мельников обошел сваленные возле лестницы морга пластиковые мешки с цементом и по сколотым ступенькам поднялся на второй этаж и постучал в дверь, обитую оцинкованным железом, с табличкой «Старший патологоанатом Т. Ф. Громова». Женщина, совсем молодая, в безупречно белом халате поднялась со стула навстречу Мельникову.

– Тамара Федоровна? – поинтересовался он, запуская руку в карман за просроченным милицейским удостоверением.

– Татьяна Федоровна с вашего разрешения, – женщина натянуто улыбнулась чуть подкрашенными губами, мельком глянула в удостоверение.

Представившись следователем Московского уголовного розыска, Мельников спросил, нет ли в морге неопознанных женских трупов и получил утвердительный ответ.

– Старуха, доставлена три дня назад и женщина лет сорока – сорока пяти, доставлена, – Татьяна Федоровна полистала регистрационный журнал, – доставлена ровно месяц назад, точнее тридцать два дня назад сотрудниками ГАИ. За это время не опознана. А вчера получено разрешение прокурора на её кремацию. На завтрашнее утро заказан спецтранспорт. Хотите ознакомиться с результатами вскрытия? Извините, я спешу на планерку в лечебный корпус.

– С планеркой придется подождать, – Мельников нахмурился. – Вы можете понадобиться мне здесь. Пройдемте к трупу.

– Хорошо, – Татьяна Федоровна подняла телефонную трубку и, подумав секунду, опустила её на место. Она встала, одернула халатик, распахнув дверь, крикнула санитару. – Николай вас проводит, – сказала она Мельникову, – а я через пять минут догоню. Только предупрежу, что меня не будет на планерке.

* * *

В подвале морга, пропахшем гнилью, хлоркой и формалином, оказалось так темно, что санитар оступился перед тем, как нашел на стене кнопку выключателя.

– Везут к нам всех попало, – сказал он санитару. – Кого на дороге машиной сбило, кто с перепоя ноги протянул. А мы принимать должны. Это ведь не наша, как я понимаю, обязанность покойников со стороны принимать. Мы больницу должны обслуживать, как я понимаю.

– Неправильно ты понимаешь, – сказал Мельников, обводя глазами помещение. Свет неоновых ламп дрожал под потолком. – Привезли, значит, должны принять. Таков закон.

– Не знаю я эти законы, – Николай помял ладонью свое синеватое в искусственном свете лицо, кашлянул и сплюнул под ноги мокроту.

Труп Елены Викторовны Ледневой Мельников опознал ещё издали. Подойдя вплотную к мраморному столу, он склонился над телом, внимательно, сантиметр за сантиметром осмотрел руки покойной, бедра, икроножные мышцы. Когда Мельников начал раздвигать пальцы ног трупа, низко склонившись над столом, санитар отвернулся.

– Сколько лет тут работаю, а все привыкнуть не могу, – сказал он тихо. – Тяжело к смерти привыкнуть, как я понимаю.

– Правильно, – Мельников порылся в кармане, достал деньги и протянул санитару. – Вот что, Коля, сходи-ка принеси простыню, только целую, прикрыть тело. А пока помоги мне перевернуть её на живот.

Мельников, обойдя стол, приподнял труп за плечи. Коля, спрятав деньги под грязно-белый халат, в брючный карман, обхватил ладонями щиколотки ног. Когда санитар ушел, Мельников снова склонился над телом.

– Простите, что задержалась, – Татьяна Федоровна, как бестелесное привидение, бесшумно подошла сзади и улыбнулась, когда Мельников вздрогнул при звуке её голоса. – Простите.

– Ничего, я пока осматриваю тело, было чем заняться, – Мельников выпрямился. – Что показало вскрытие и кто его проводил?

– Проводила я сама, – Татьяна Федоровна в свете люминесцентных ламп выглядела постаревшей лет на пятнадцать,

проступили невидимые прежде морщинки, обозначилась синева под глазами. – Вы опознали тело?

– Опознал, – Мельников вздохнул, больше всего ему сейчас не хотелось сообщать Ледневу о смерти Елены Викторовны. – И что вскрытие?

– Смерть наступила от острой сердечной недостаточности, – Татьяна Федоровна поправила лацканы халатика. – Свое заключение я передала в органы дознания, следовательно РУВД.

– А какова причина сердечной недостаточности? – Мельников сделал шаг вперед.

– Причина? Их может быть сотня, этих причин. Покойная могла отравиться грибами, могла пережить приступ ревматизма. Все, что хотите. Во всяком случае, я могу утверждать определенно: причина смерти не насильственная, а естественная, – врач сжала губы в узкую ниточку. – Не насильственная, – повторила она твердо. – На основании выводов экспертизы РУВД приостановило уголовное дело. У милиции, насколько я знаю, тоже нет оснований полагать, что женщина убита.

– При осмотре тела вы видели царапину, неглубокую царапину на локтевом сгибе?

– Видела, кажется, видела, – Татьяна Федоровна сморгнула. – Но царапина ни о чем не говорит. Это царапина – и только.

– Царапины в этих местах очень часто маскируют следы от

инъекций, – Мельников оперся рукой о мраморный стол. – Вы давно здесь работаете?

– Что вы этим хотите сказать?

– Ничего, – Мельников помотал головой из стороны в сторону. – В вашей профпригодности я не сомневаюсь, лично я. Но супруг покойной попросит назначить повторную экспертизу и доверить её другому лицу, не вам. Это его право. Надо все-таки узнать, отравился человек грибами или не пережил ревматизма. Где вещи покойной?

– У нас в камере.

– Хочу их посмотреть, заодно и телефоном вашим воспользуюсь.

В тесной кладовке Мельников снял с антресолей холщовый мешочек, вытряхнул из него на придвинутую к подоконнику тумбочку черное вечернее платье без рукавов в золотых блестках, нижнее белье, электронные часики и пару лаковых босоножек. Запустив руку в мешочек, он пошарил в нем в поисках новых предметов, но внутри ничего не оказалось. Осмотрев вещи, он положил их обратно, забросил мешочек на прежнее место. В коридоре Мельникову встретился санитар Коля. Перебросив через плечо простыню, он шагнул к лестнице.

– Что, сейчас родственники подъедут? – спросил он Мельникова. – Вот простыночка.

– А разве я на родственника не похож?

– Деньги даете, это как родственник, те всегда деньги су-

ют, – Коля смерил Мельникова взглядом. – А так нет, видно, что из милиции.

* * *

...Мельников ожидал Леднева на лавочке в пыльном тополином сквере возле главного лечебного корпуса. Дважды он покидал свое место, шел в закусочную через дорогу, выпивал стакан холодного сока и возвращался на прежнее место, скрытое от жаркого полуденного солнца кронами деревьев. Он мутным взглядом водил по асфальтовой площадке, заставленной машинами, местами раскрошившемуся бетонному заборчику, отделявшему больничную территорию от внешнего мира, редким прохожим.

«Бестолковая какая-то жизнь и такая же бестолковая смерть, – думал он. – Чуть было её не сожгли в крематории, как сжигают тела безымянных бродяжек, не опознанных родственниками». Сняв сырой на спине пиджак, Мельников пристроил его рядом с собой на лавочку и подумал, что надо бы сдержаться, не пить больше жидкость в такую жару. «Все потом выходит», – сказал он вслух. Он снова вспомнил исполосованный скальпелем женский труп. «Печень, наверное, плавает в баночке с формалином, – думал Мельников. – Придется сделать срез печени для фармакологической экспертизы. Да, не за свое дело взялась эта Татьяна Федоровна. Это работа не патологоанатома, а судмедэкспер-

та, опытного судмедэксперта».

Мельников вспомнил врача, с которым беседовал накануне в судебном морге. Вроде мужик опытный. Этот, если потеет три-четыре дня, скажет что-то более определенное, чем эта Татьяна. Следит барышня за собой. Этот халатик, маникюр. В морге чистота, мытые полы. Это не то, что в московских трупохранилищах, где мужик лежит на бабе, а баба на мужике, текут, разлагаются. Даже не то, что в Лианозове, где порядка больше, чем в других моргах, но обстановка все равно убийственная. Не выпив спирт и внутрь не зайдешь, сблюешь от одного запаха. Тут совсем другое дело. Порядок, чистота. Если бы ещё вскрытия делали на совесть, не ленились провести химический анализ.

Мельников бросил себе за спину на газон сигаретный окурок. Что там спросил его Леднев по телефону, спросил вдруг изменившимся, не своим голосом? «Ты уверен, что это Лена?» – вот что он спросил. Мельников замешкался с ответом, кашлянул в кулак, хотя думать было не о чем. «Ты уверен, что это Лена?» – повторил Леднев. Чудак, разве Мельников стал бы сообщать ему эту новость, если бы не был уверен: он нашел, кого искал. «Уверен, Иван, конечно, уверен», – и правда, запершило в горле. В эту минуту Мельников пожалел, что взялся помогать Ледневу, пожалел лишь на мгновение, душевная слабость быстро прошла. «Приезжай, Иван», – Мельников дважды продиктовал адрес. «Что, следов насилия на теле нет?» – спросил Леднев. «Следов наси-

лия нет», – ответил Мельников и услышал на другом конце провода звук, похожий на вздох облегчения.

«Значит, если нет следов насилия, требуется мое разрешение на проведение вскрытия?» – спросил Леднев. А все-таки молодец Иван, в такую минуту он способен что-то соображать. Ему бы плакать, как героине фильма «Будни майора милиции», плакать беззвучно, а он задает эти вопросы, впрочем, не лишённые практического смысла. «Нет, Иван, вскрытие уже делали, – ответил Мельников. – Таков порядок. Установили, что смерть не насильственная. Сердце остановилось». Мельников, ведя этот разговор в кабинете Татьяны Федоровны, чувствовал её взгляд спиной. Он не стал вслух высказывать свои мысли, сказал только, мол, возможно, придется сделать ещё кое-какие дополнительные анализы.

* * *

Кто— то прикоснулся к плечу Мельникова, он поднял голову. Леднев в летнем светло-сером костюме, белой сорочке и темном одноцветном галстуке чуть нагнулся над ним. «Черт, у него добрый час занял этот туалет, – подумал Мельников, поднимаясь на ноги и пожимая руку Леднева. – Следователь прокуратуры там, в морге, наверное, совсем скис. А Леднев заставляет себя ждать, будто он барышня, а прокурор в морге жених». Мельникову хотелось сказать вслух

что-то обидное.

Он повел Леднева к моргу ближней дорогой через стройку.

– Сейчас тебе предъявят результаты вскрытия, – говорил Мельников на ходу. – Там написано, что смерть наступила от сердечной недостаточности. Но причины сердечной недостаточности не установлены. Уголовное дело прекращено в связи с тем, что труп не опознан. Как только произойдет официальное опознание, дело будет продолжено в связи с вновь открывшимися обстоятельствами. Ты меня понял?

– Понял, – Леднев пролез под перекладиной забора. – Чего тут понимать? Сердечная недостаточность, стандартное заключение. Лена никогда не жаловалась на сердце.

– По закону ты можешь потребовать проведения повторной судебно-медицинской экспертизы, но доверить её другому лицу.

– Сколько дней займет новая экспертиза?

– Дня четыре, это только сама экспертиза, – Мельников показал рукой, куда идти дальше. – Считаю, неделя. Но свидетельство о смерти можно выписать уже сегодня, после опознания.

* * *

Возле стола с трупом топтался следователь городской прокуратуры Георгий Семенович Чепурной. Он то и дело по-

тирал большим и указательным пальцем седые усы, словно проверял, на месте ли они.

– Чего-то долго ты, – проворчал Чепурной. – Когда в МУ-Ре работал, быстрее бегал. Зови твою начальницу Татьяну Федоровну, – сказал он санитару. – Скажи ей, что понятой будет.

– Бывший супруг покойной сюда, между прочим, из Москвы добирался и добирался не на ракете, – Мельников приподнял с трупa простыню. – Эй, – окликнул он уходящего санитарa. – Я же просил одеть труп, а ты только простыней накрыл.

– Он не велел, – санитар показал пальцем на Чепурного.

– Иди-иди, – сказал Чепурной санитару и проверил, на месте ли усы. – Какие нежности при нашей бедности, – он подошел к высокому подоконнику, где лежала его затертая свиной кожи папка. – Тебе, Мельников, хорошо известно, как проводят опознание трупов, вот и помалкивай себе. Тут я хозяйничаю, как скажу, так и будет. Твой друг может сам попросить, чтобы труп одели, но знай, я его просьбу отклоню. Носильные вещи опознает отдельно, – он кивнул головой на соседний столик, где лежали вещи из камеры хранения.

– Зачем человеку видеть, как искромсали его жену при вскрытии? – Мельников поджал губы. – Он её и в одежде опознает.

Следователь прокуратуры Чепурной вслух читал протокол предъявления для опознания. Читал медленно, делая частые остановки и, отрываясь от текста, оглядывал лица присутствующих одно за другим, снова опускал глаза к бумаге, исписанной кудрявым старушечьим почерком.

– На автостраде вблизи поселка Ключниково в автомобиле «Жигули 21013» с московским номером таким-то обнаружен неопознанный труп женщины, внешность и одежда которой имеют сходство с приметам и одеждой без вести пропавшей Ледневой Е. В., описанными Ледневым И. С. на допросе в московском отделении милиции таком-то и запротоколированными в карточке без вести пропавших, – голос Чепурного, отраженный низким сводчатым потолком, звучал зловеще.

Он снова поднял глаза и внимательно посмотрел на Леднева. Тот, не зная, нужно ли подтверждать слова следователя, на всякий случай кивнул и выдавил из себя «да». Чепурной левой свободной рукой потрогал усы.

«На каком ещё допросе в милиции? – спросил себя Леднев. – В милицию я сдал заявление. Не было там никакого допроса. Впрочем, какая теперь разница: был допрос или его не было? Не имеет значения, все это уже не имеет никакого значения». Он отступил на шаг назад, чтобы в поле зрения

не попадал стол, на котором лежали останки бывшей жены, накрытые серой простыней.

– Этот труп представлен гражданину Ледневу И. С. в морге городской больницы номер два при достаточном искусственном освещении (над столом, где находится труп, висит лампа дневного света), – Чепурной снова оторвался от текста, посмотрел под потолок, словно хотел убедиться, что лампа в металлической решетке действительно находится над столом и освещает этот стол ярко. – С участием понятых Мельникова Егора Владимировича, проживающего в Москве и Громовой Татьяны Федоровны, проживающей, – Чепурной строго посмотрел на врача.

«Издевается он что ли? – думал Леднев. – Думает, что с этими усами он похож на Эркюля Пуаро».

– Перед предъявлением трупа следователь прокуратуры произвел туалет трупа, – на слове «туалет» Чепурной почему-то сделал ударение. – Протер лицо марлей, причесал волосы и открыл глаза с помощью ватных шариков. Всем участникам предъявления для опознания разъяснены их права. Гражданин Леднев предупрежден об ответственности за дачу заведомо ложных показаний. Подпись Леднева.

«Какая глупость, – думал Леднев. – Какая чушь свинячья. Ложные показания... Такое придумать надо». Его потащило от запаха гнили и формалина, поглядывая на Громову, он решал, не время ли сейчас спросить у врача нашатырно-

го спирта. «Если это издевательство будет продолжаться ещё хоть пять минут, я уйду, возьму и уйду, пусть сам себе читает этот протокол», – решил Леднев, но продолжал стоять без движения, только оперся ладонью о ближний стол, где лежали вещи бывшей жены. Он боролся с тошнотой, сглатывал жесткий круглый комок, застрявший в горле, но комок не исчезал, мешая дыханию.

– С вами все в порядке? – следовательно смотрел на него прищурившись. – Вы какой-то бледный.

– Все нормально, – Леднев кивнул. – Просто душно.

– Ничего, сейчас закончим, – Чепурной уткнулся в протокол. – Представленный труп находится на секционном столе без одежды. Возле трупа на соседнем столе расположены вещи: три женских платья разных цветов, трусы, бюстгальтер, три пары женских босоножек разных цветов без задников и с открытым носком, среди которых находится и одежда, снятая с трупа, – Чепурной прервал чтение, высморкался в клетчатый носовой платок и откашлялся.

– Ладно, Георгий Семенович, давай расписываться и шабаш, – Мельников полез в карман за ручкой. – Хватит эту бодягу разводить.

– Это документ, а не бодяга, – Чепурной скомкал платок и сунул его на место. – Если не хочешь быть понятым, лучше санитаря позвать. Я, в отличие от некоторых, не в шарашке работаю, а в прокуратуре. И правила эти не мной придуманы. И не прерывай меня больше, а то вызову другого поня-

того, весь протокол стану заново оформлять. И так... На вопрос следователя к Ледневу И. С., не узнает ли он в предъявленном трупе свою бывшую жену Ледневу Е. В., свидетель Леднев после тщательного осмотра лица и туловища трупа заявил...

Леднев потрогал пальцами горло. Твердый комок, застрявший там, по-прежнему не давал свободно дышать. Леднев решил спросить нашатырного спирта, но опять передумал, только посмотрел на Громову, стоявшую у стола, скрестив на груди руки и скорбно склонив голову, будто это она потеряла близкого человека.

– На вопрос, не узнает ли свидетель Леднев среди предъявленных вещей вещи своей бывшей жены, свидетель, внимательно осмотрев предъявленные вещи, указал на платье своей бывшей жены, заявив, что это платье он лично привез ей из-за рубежа, – продолжал читать Чепурной.

Чувствуя, что процедура опознания подходит к концу, Леднев немного ободрился, задышалось легче.

– Никаких замечаний от свидетеля не поступало, – на этот раз Чепурной сделал ударение на слове «никаких».

Леднев решил, что в молодые годы следователь участвовал в самодеятельности, в День милиции декламировал с эстрады ведомственного дома культуры злободневные вирши, конечно же, собственного сочинения, ну, в крайнем случае, Исаковского. А современным поэтам следователь вряд ли доверяет.

– Понятой Мельников Е. В. заявил, что следователь необоснованно отклонил предложение о предъявлении трупа в одежде. Но предъявление трупа в одежде, по мнению свидетеля Леднева, осложнило бы процесс опознания, так как он, свидетель, мог бы легко ошибиться. Протокол прочитан вслух. Записано правильно. Следователь прокуратуры, юрист второго класса Чепурной. Теперь попрошу расписаться свидетеля и понятых.

Чепурной положил исписанный бланк протокола на стол и протянул ручку Ледневу. Тот непослушными пальцами поставил закорючку в нужном месте. «Что он за глупость написал? – спросил себя Леднев. – По следователю выходит, что я не опознал бы Лену в одежде. Так что ли?» Но сил на то, чтобы спорить из-за поправок в протоколе, у Леднева уже не осталось.

– Если можно, я выйду на улицу подышать, – попросил он.

– Конечно, подождите на улице, – сказала Татьяна Федоровна и поставила в протоколе размашистую подпись, передала ручку Мельникову.

* * *

Леднев, не дослушав врача, уже плелся к дверям и считал ступеньки лестницы. На лавочке возле подъезда он выкурил подряд две сигареты и почувствовал, что жизнь возвращается к нему. Леднев смотрел на голубей, воркующих

возле бункера с мусором, на подвижные солнечные блики, пробравшиеся через листву и отпечатавшиеся на асфальте. Он кивнул следователю прокуратуры, вышедшему из подъезда.

Короткими шагами тот дотопал до угла морга, переложил из руки в руку потертую папку из свиной кожи и, полный достоинства, исчез из вида. Ледневу захотелось встать, покинуть больничную территорию, сесть за руль и помчаться к Москве, но он продолжал сидеть, глядя перед собой пустыми глазами. Из подъезда вышел Мельников, подойдя к лавочке, сел рядом, протянул Ледневу какую-то бумажку.

– Вот справка о смерти, – Мельников передал бумажку Ледневу, тот, не глядя, спрятал её в кармане пиджака. – Теперь можешь получить в загсе свидетельство о смерти, это нужно для похорон.

– Да, это нужно, – машинально повторил Леднев. – Но объясни, как Лена вообще сюда попала? В этом городишке у неё нет ни родственников, ни знакомых. И что это за машина, в которой нашли её тело? У Лены не было своей машины. За руль она не садилась года два, может, больше.

– Ты ведь не жил с ней последний год, возможно, она изменила привычки, – Мельников мял в пальцах сигарету. – А машина... Елена Викторовна могла одолжить машину у знакомых, например.

– У Лены не осталось знакомых, которые дали бы ей машину хоть на час, – Леднев вздохнул. – Объясни мне поче-

ловечески, что вообще произошло?

– Если верить Чепурному, произошло дорожно-транспортное происшествие. «Жигули» врезались в столб. Судя по повреждениям автомобиля, скорость была минимальная, может, километров пятнадцать. Следовательно полагает, что ей стало плохо за рулем, она захотела съехать с трассы, немного не рассчитала. Труп Елены Викторовны обнаружили в этой машине на водительском месте. Раннее утро, шоссе почти пустое, мимо проезжала патрульная машина ГАИ, остановилась. В результате столкновения с дорожным столбом Елена Викторовна не пострадала, есть пара царапин, синяки. Смерть, как утверждает эта Громова наступила из-за остановки сердца. Поэтому следствие сделало вывод: человеку стало плохо, она пыталась вырулить на обочину, но дело до конца довести так и не смогла, сердце отказало. В эту схему все укладывается: и смерть и ДТП. Случаи, когда люди умирают за рулем не редкость.

– Значит, теперь дело сдадут в архив. Они ведь сочинили такую гладкую версию.

– Нет, не сдадут. Следствие будет продолжено, как сказал Чепурной. Этим займется областная прокуратура. Если тебе от этого легче.

– Значит, мне опять сидеть у телефона и ждать звонка из прокуратуры? – Леднев достал новую сигарету. – Прежде всего нужно выяснить, чья это машина, кто её хозяин.

– Прежде всего наберись терпения. Машина от нас нику-

да не денется, сейчас она на городской стоянке ГАИ и будет там находиться пока не закончится следствие. Нужно подождать результатов новой экспертизы. Если Елена Викторовна умерла от остановки сердца, то есть естественной смертью, вопрос «чья машина?» станет третьестепенным.

– Хорошо, это версия следствия, – Леднев с трудом ворочал пересохшим языком. – А сам ты что думаешь?

– Патологоанатом молодая, неопытная женщина, только три года назад мединститут закончила, минус декретный отпуск. У неё ребенок, а у ребенка сейчас зубки режутся, он кричит, ребеночек, ночами спать не дает. Громова вся в себе, в проблемах своей личной жизни. Короче, верить её выводам я не могу.

– И все-таки ты хоть что-то себе уяснил?

Леднев поднялся на ноги. Мельников тоже встал и отбросил окурочек к строительному забору.

– Елену Викторовну нашли в машине, сидящую за рулем. Понимаешь, сидящую? Значит, трупные пятна должны находиться на её ягодицах и задней поверхности бедер. Трупные пятна проступают спустя четыре – шесть часов после наступления смерти. А сколько времени Елена Викторовна находилась в этой машине? Может, час, может, три, может, с вечера предыдущего. Машину патруль ГАИ обнаружил в пять сорок пять утра. Около двух часов с минутами занял осмотр места происшествия, переговоры по рации с городским ГАИ. Ждали следователя, делали фотоснимки, составляли прото-

кол. Значит, как минимум ещё часа полтора. За это время положение тела милиционеры не меняли. Тело оставалось на водительском месте, спина в вертикальном положении, голова откинута назад. В любом случае, трупные пятна должны проявиться именно на ягодицах и внутренней поверхности бедер. А пятен там нет.

– Ты хочешь сказать... – Леднев закашлялся.

– Я хочу сказать: трупных пятен на ягодицах нет. Вот и все, – Мельников развел руки в стороны.

– Значит...

– Я говорю, на ягодицах нет пятен. Трупные пятна – на лопатках.

Глава шестая

Четверть часа Денисов топтался возле театрального подъезда, ожидая Ирину. Он приехал раньше назначенного времени, поставил машину за углом здания, проверил бахляк, запер замок багажника, постучал носком ботинка по крышкам, полез в карман пиджака проверить, не забыл ли билеты и, наконец, отправился к театральному подъезду.

Ира любила театральную Москву. Желая ей угодить, не показаться в глазах девушки провинциальным жлобом, сознательно ограничившим свой мир лишь денежными интересами, он доставал билеты на все заметные московские спектакли, на постановки заезжих трупп. Денисов взял за правило никогда категорично не оценивать при Ирине тот или иной спектакль, выслушать сперва её мнение, а уж потом добавить что-нибудь от себя, какую-нибудь умную многору́сскую фразу. «Да, постановка интересная, по-своему, конечно, но режиссер сознательно замыкается в им же нари́сованном круге. Он псевдоэстетичен», – говорил он. Как хочешь, так и понимай эти слова. Ни «да», ни «нет», ни плохо, ни хорошо. Все эти режиссеры стараются казаться умнее и талантливее, чем они есть на самом деле. А он чем хуже? Дураком выглядеть тоже не хочется. В минуты своих рассуждений Денисов чувствовал благосклонное внимание Ирины. А про себя думал: «Очередная хренота. Пыжатыся, пыжатыся.

Вешают на уши дерьмо собачье».

Денисов прошелся до театрального подъезда и обратно до угла здания. Летний вечер увядал на глазах, публики на площадке перед входом в театр заметно прибавилось, а новые люди все подходили и подходили. Боясь проглядеть Ирину в этом скоплении народа, Денисов приблизился к толпе и застыл перед афишей, как солдат на посту. Мимо проходили люди, женщины с интересом, почти нескрываемым, поглядывали на него, обдавали ароматом дорогих и не очень дорогих духов и шли дальше.

– Какими судьбами?

Денисов повернул голову на знакомый голос. Перед ним стоял, обнажая в улыбке все тридцать два зуба, старый знакомый, председатель реабилитационного центра инвалидов «Восход» Михаил Александрович Сычев. Он протянул Денисову для рукопожатия огромную красную ладонь с короткими пальцами.

Пожимая руку знакомого, Денисов разглядел рядом с Сычевым миниатюрную блондинку, которая, казалось, могла поместиться в кармане Михаила Александровича. Изображая на лице любезность и приятное удивление, Денисов низко наклонился и поцеловал поднятую слишком высоко, явно не для пожатия, руку блондинки и произнес первый пришедший в голову комплимент, весьма двусмысленный. Одно время Сычев пользовался услугами фирмы «Русь-Люкс», скупая престижные московские квартиры направо и налево.

Позже, заработав на перепродаже квартир, он почему-то решил, что спекуляция недвижимостью не лучший способ вложения денег.

Одно время, получив государственные кредиты на развитие производства, где заняты инвалиды, Сычев развернулся широко. Он начал переговоры о получении новых льготных кредитов, рассчитывал на уменьшение арендной платы за складские помещения. Денисов, не привыкший считать чужие деньги, решил, что получай инвалиды, опекаемые Сычевым, хоть малый процент от его сделок, давно бы жили в отдельных особняках, а на службу ездили отнюдь не городским транспортом.

– Пойдем, – блондинка с неожиданной силой дернула Сычева за рукав пиджака.

Сычев и исчез в людском водовороте. Денисов поправил галстук и посмотрел на часы.

– Кто этот толстый тип, с которым ты беседовал? – Ира подмигнула Денисову.

– Во-первых, здравствуй, – он пропустил девушку вперед себя, протянул билеты седой женщине в синей униформе, обшитой по воротнику и лацканам золотой тесьмой. – Этот человек убежден, что наше государство – это огромный собес. А он сам занял в этом собесе не последнее место. Помогает инвалидам, дает им работу.

– И какую же работу он им дает? – Ирина остановилась перед другой женщиной в униформе и купила программку

и цветной буклет.

– Какую работу? – Денисов на секунду задумался. – Это не имеет значения, какую работу. Сычев и сам, по-моему, плохо представляет, чем занимаются его инвалиды. Он говорит, вроде инвалиды делают какие-то включатели или выключатели. В общем, хлам какой-то. Этой продукцией все склады завалены, хоть на свалку вывози. Только место занимают, никто эти включатели не берет, – Денисов решил, что Ирине необязательно знать все подробности труда инвалидов. – Потому что эти включатели плохо включаются.

– Надо же, как интересно, – сказала Ирина. Денисов не понял, что именно оказалось интересным его спутнице. Ира взяла его под руку и повела за собой. Она остановилась у стены, увешанной картинами, написанными маслом. – Почему современные художники совершенно забыли акварель?

Денисов задумался: пора обо всем поговорить с Ириной, она умеет становиться серьезным человеком, она выслушает его и поймет. Она не откажет, если он сделает ей предложение. Скорее всего не откажет. То есть он уверен все согласии. Но нужно сказать и другое. Нужно сказать трудные слова. Она должна знать, что он болен, точнее, не совсем здоров. Рано или поздно этот разговор придется начать. Пусть делает выбор. Денисов продолжал разглядывать картину, названную её автором «Осенний букет» и напоминающую разрыв снаряда.

Денисов хотел сказать, что для картины «Шестьдесят ми-

нут тишины» позировал какой-то инвалид, кто-то из подчиненных Сычева, но передумал, решив, что эта острота для женского уха слишком груба. Они преодолели уже половину лестницы, ведущей в буфет, но звонок заставил их остановиться.

* * *

За действием спектакля Денисов следил невнимательно. Случайная встреча с Сычевым у театрального подъезда теперь казалась добрым знаком, чуть ли не подарком судьбы. «Да, идет фарт так идет», – думал он, наблюдая, как на сцену вышел юноша с приклеенной стариковской бородищей и стал нарочито гнусавым голосом отчитывать какую-то девушку в белом школьном фартуке за то, что та плохо метет его комнату и не протирает мебель. Девушка заплакала, юноша с бородой принялся ходить взад-вперед по сцене, выбивая из подмостков пыль. «Счастье фраера ярче солнышка», – думал Денисов, слушая вялую перебранку на сцене.

Если сейчас же после первого действия в антракте разыскать Сычева и так, между делом, сообщить ему, что фирма «Русь-Люкс» на днях закончила ремонт особняка в центре Москвы и собирается выставлять этот особняк на продажу. Цена более чем умеренная. Единственное условие – никаких рассрочек, наличный расчет на месте. Сычев может клюнуть на это предложение, вероятно, клюнет. Покупка особ-

няка у фирмы «Русь-Люкс», с которой Сычеву уже приходилось иметь дело, которой он, безусловно, доверяет, да ещё по весьма умеренной цене – на такое предложение он должен клюнуть. Он купит особняк хотя бы для того, чтобы перепродать его с выгодой, без хлопот хорошо заработать. Еще год назад Сычев подыскивал подобное помещение, непонятно, правда, с какими целями, да это и не важно. Сычев вел переговоры с одной крупной риэлтерской фирмой, но сделка в последний момент расстроилась. Кто-то, кажется, перекупил особняк прямо перед его носом.

Денисов перевел взгляд на сцену. Сутулый мужчина в сюртуке убеждал другого мужчину, в красной рубашке, что лучше действовать именно ночью, когда все уснут, и показывал длинный армейский штык, зловеще блестящий в свете прожекторов. Денисов зевнул и на пару минут закрыл глаза, уставшие от яркого света. Когда он раскрыл глаза, сутулый мужчина на сцене потрясал старинным ружьем и кричал в публику, что месть – это тот сосуд с горько-сладким вином, испить из которого он должен до самого дна. Денисов подумал, что акт мести скорее всего вообще не произойдет, а допотопное ружье так и не выстрелит, иначе все окажется слишком примитивно, а примитивных финалов в современных пьесах не бывает. К этому моменту Денисов окончательно потерял нить сюжета.

В буфете Денисов купил Ирине какую-то закуску, кофе, сок и фужер шампанского, взяв себе бутылку пива и бутерброд с рыбой. Сычев потерялся где-то в фойе, не оказалось его и в буфете. Денисов с беспокойством смотрел по сторонам и пил мелкими глотками теплое пиво.

– Во втором действии спектакль из плоскости ходульной мелодрамы перейдет в плоскость идиотизма, – сказала Ирина, приканчивая салат. – Увидишь, действие начнет распадаться, будет доведено до абсурда. Это режиссерская манера.

– По-моему, спектакль с самого начала находится в плоскости идиотизма, – заметил Денисов. – Эту манеру исповедуют, кажется, все режиссеры.

– Тебе не нравится спектакль? – Ирина оторвалась от полупустой тарелки и подняла на него глаза, такие прекрасные, что у Денисова замедлилось дыхание.

– Почему не нравится? – уклонился он от прямого ответа. – Во всем есть свои прелести, даже в идиотизме.

– А как тебе Антонович? По-моему, он так убедителен в этой роли.

Денисов не мог определить, в какой роли занят Антонович, но почему-то решил, что это молодой человек с приклеенной бородой, изображавший старика.

– Да, вот Антонович убедителен, – повторил он за Ири-

ной. – Уж кто кто, а Антонович убедителен.

* * *

Он извинился перед Ириной за то, что оставит её на пять минут, вышел из буфета и спустился по двум лестничным маршам в курилку. Здесь у самых дверей туалета он нашел Сычева, пускающего дым в одиночестве. Обрадовавшись, что поблизости не видно писклявой блондинки, он задал Сычеву пару пустых вопросов о спектакле и о жизни вообще, оборвал этот разговор и перешел к делу.

– Это, конечно, заманчиво, – Сычев вдохнул сигаретный дым. – Собственного своего помещения под офис у меня до сих пор нет, приходится арендовать, – он назвал сумму годовой аренды. – Я пару раз пытался купить отдельно стоящее здание и чутье нарвался на неприятности. Оказалось, здание мне пытались продать его балансодержатели, а не собственники. Понимаешь? Они хотели переуступить мне права владения, а это отнюдь не значит, что я покупаю право собственности. Это разные вещи. Мой юрист еле разобрался в этой петрушке. А я чуть не влетел на большие деньги.

– Тут совсем другая схема, – Денисов понял, что Сычев уже клюнул и сейчас просто говорит приличествующие случаю слова. – Через год окупишь все вложения. «Русь-Люкс» – контора надежная. Справься у своих юристов, какие документы я должен предоставить. Все они, вплоть до

последней справки из санэпидемстанции, у меня на руках. Рассчитывайся, и я жду приглашения на новоселье.

Денисов наблюдал, как из женской уборной вышла блондинка и повисла на локте Сычева. Денисов изобразил на лице самую приветливую улыбку, на которую был способен.

– Как вам это представление? – женщина облизнула губы и вопросительно посмотрела на Денисова.

Он пожал плечами и поднял глаза к серому потолку.

– По-моему, во втором акте из плоскости мелодрамы действие должно перейти в плоскость идиотизма, – изрек Денисов. – Единственное, что я могу сказать определенно – Антонович очень убедителен. Это его роль.

– А нам никак, – ответил за женщину Сычев. – У Кларочки даже голова разболелась. Не знаю, оставаться на второе действие или уйти.

– Как это уйти? – женщина округлила глаза. – Ты только что сам говорил, что спектакль хороший. Тебе же понравилось. Чего-то все они интригуют, интригуют. Чего-то все они из-под старика хотят.

– Старика замочат, как пить дать замочат, – пыхнул дымом Сычев. Он деликатным жестом стряхнул женщину со своей руки, отвел Денисова в сторону, в дальний угол курилки. – Так ты говоришь, дело совершенно чистое?

Сычев уставился в переносицу Денисова.

– Абсолютно чистое, – Денисов смотрел на Сычева ясными глазами. – Прикинь, какие сейчас цены на жилье, – он

назвал несколько цифр, коротко и емко описал прелести отремонтированного особняка. – И эти потолочные цены за год поднимутся минимум процентов на десять. Значит, цены на отдельно стоящее здание в центре будут расти примерно втрое быстрее. Да это самое выгодное предложение в твоей жизни. Проконсультируйся, наведи справки, привези с собой хоть всех московских юристов. Тебе скажут: это не сделка, а подарок. Условие: расчет наличными. И ещё сроку на размышление неделя.

Сычев выглядел озадаченным. Он пожал руку Денисову и почесал затылок.

* * *

Все второе действие старик стонал, иногда приподнимался, чтобы испить воды из деревянного ковшика, что приносила ему служанка. Наконец, когда стенания старика стали вовсе непереносимыми, он скончался, предварительно попросив прощения у всех действующих лиц и у публики. Перед смертью он отписал все состояние той девушке, что плохо мыла его комнату в начале спектакля.

Потом на сцене возникли два человека в форме гостиничных швейцаров, у одного из них на груди болтался судейский свисток, и увели сутулого в острог. Спектакль кончился свадьбой, все действующие лица целовались друг с другом и с чем-то поздравляли усатого мужика в красной рубахе.

На улице уже стемнело, ветер гнал сухую пыль, шевелил неубранный мусор. Денисов распахнул перед Ириной дверцу машины, сел за руль и прикурил сигарету.

– Ты довольна? – спросил он, трогая с места. – Это гастрольный спектакль, а гастроли не всегда удачные бывают. Когда откроется театральный сезон, отведем душу.

– Да, какой-то сюжет вялый, – сказала Ирина. – Антонович, конечно, молодец. Но нельзя же только на нем вывозить весь спектакль. А Тарханов просто халтурил. Даже зевал на сцене, это уже ни в одни ворота не лезет. От него я ожидала большего.

– Театр агонизирует, – сказал Денисов. Фраза крутилась в голове с утра, просилась на язык.

– Ты зайдешь к нам попить чаю? – спросила Ирина. – Мама рада будет. Она испекла грандиозный пирог.

Денисов отказался, сказав, что в полночь ждет междугородного звонка, к этому времени нужно добраться до дома.

* * *

Денисов остановил и припарковал машину в глухом проходном дворе в квартале от дома, где жил генеральный директор фирмы «Русь-Люкс» Дмитрий Николаевич Кудрявцев. Оставшуюся часть пути он прошел пешком, а потом ещё битый час сидел на лавочке в сквере перед кирпичным девятиэтажным домом, дожидаясь, пока разойдутся гости, со-

бравшиеся по случаю дня рождения начальника.

Денисов прикидывал, как действовать, если кто-то из гостей задержится, и хозяин останется в квартире не один. Но гости вышли одной группой, постояли у подъезда, ожидая, когда спустятся остальные, потом все они, человек семь, пошли в сторону улицы. Денисов посидел на лавке ещё четверть часа и поднялся на этаж.

Звонок в квартиру Кудрявцева раздался в тот момент, когда он с оставшейся после гостей посудой курсировал из гостиной на кухню. Дмитрий Николаевич подумал, что какой-нибудь гость, скорее всего Максим Георгиевич Вощанов, славившийся своей феноменальной беспамятностью, оставил что-то из вещей и вот теперь вернулся забрать свой зонтик или перчатки. Кудрявцев поставил тарелки в мойку и, крикнув: «Уже иду» – заспешил к дверям. Он зажег в прихожей свет, осмотрелся по сторонам, но не обнаружил ни на полочке под зеркалом, ни на вешалке чужих вещей.

– Черт беспамятный, чего он опять забыл? – прошептал себе под нос Кудрявцев и, открыв первую деревянную дверь, случайно сбросил с ноги шлепанец.

Он завозился перед дверью, надевая соскочивший тапок на ногу и приткнул к глазку, вмонтированному во вторую, уже металлическую дверь. Но вместо рассеянного Вощанова он увидел через стеклышко физиономию Сергея Денисова. Тот уставился куда-то в потолок и сложил губы бантиком, казалось, он насвистывал какую-то мелодию.

– Кто там? – спросил Кудрявцев, чтобы выиграть мгновение и собраться с мыслями. «А этот зачем притащился в такую поздноту? – спросил себя Кудрявцев. Дня ему что ли мало?» Он решал, открывать ли дверь. Можно запросто сказать, что у него женщина, и тем самым отложить любой, самый срочный разговор до утра.

– Это я, Денисов, – голос звучал ровно.

«Ладно, больше пяти минут он здесь не задержится, – решил Кудрявцев, отпирая верхний замок. – Если уж этот пришел так поздно, значит, дело действительно важное». Денисов бывал в квартире Кудрявцева три-четыре раза, всегда по неотложным делам. Еще Кудрявцев подумал, что за ужином выпил слишком много шампанского, а это, пожалуй, лишнее. Он открыл второй замок, потянул тяжелую дверь на себя и впустил Денисова в прихожую.

– Ты что это людям по ночам спать не даешь? – спросил Кудрявцев и тут же добавил: – Правда, ещё не ночь, – он наблюдал, как Денисов расшнуровывает свои туфли.

Шампанское создавало в голове странный шум. Кудрявцев посмотрел на себя в большое настенное зеркало и увидел на груди новой светлой сорочки пятно от томатного соуса. Краем глаза он наблюдал, что Денисов снял свой светлый пиджак и пристроил его на вешалке. Кудрявцев не мог решить, зачем это его поздний гость снимает пиджак. Не ответив на собственный вопрос, он внимательно осмотрел пятно на сорочке. С тех недавних пор, как Кудрявцев расстался

со своей последней женой, мелкие проблемы быта ему приходилось решать сто раз на дню. Он безропотно смирился с этими неудобствами, недавно расторгнутый брак тяготил Кудрявцева, любовь, если она и существовала когда-то, давно выродилась, превратилась в какое-то другое мелкое чувство. Остались лишь взаимные претензии и обиды, которые не исчезли, не забылись, а скопились на дне души и вылезали наружу, провоцируя скандалы.

Кудрявцев повернулся к Денисову, машинально расстегнул вторую пуговицу испорченной сорочки и тут же получил страшный в своей силе удар кулаком в левую половину груди. Кудрявцева, не готового к сопротивлению, отбросило в другой конец прихожей к стенному шкафу. Он ударился затылком и спиной о створки шкафа и, уже сидя на полу, увидел, как откуда-то сверху валятся коробки с обувью. Свет погас перед глазами, но вспыхнул снова.

Кудрявцев чувствовал, что он жив и подумал, что этот страшный удар в грудь не нож и не пуля – всего лишь удар кулака. Возможно, сломаны ребра... Но он сможет встать, если не встать, то хотя бы крикнуть, истошно заорать, чтобы слышали соседи, чтобы весь дом содрогнулся от этого крика. Он набрал в легкие воздуха, много воздуха, но из груди вместо крика вырвался какой-то жалкий звук: то ли стон, то ли шипение, не поймешь. Кудрявцев видел, как Денисов подошел к нему вплотную, наклонился совсем близко.

Сердце билось неровно и тяжело, каждым своим ударом

причиняя новую боль. Кудрявцев снова набрал в легкие воздуха, решив, что сейчас, именно сейчас нужно крикнуть во весь голос, иначе будет поздно. Но наружу вышло лишь короткое ругательство. Он чувствовал, как Денисов вцепился в его волосы пятерней, чуть согнул ноги, наклонился, далеко назад отвел правую руку и нанес новый сокрушительный удар в то же самое место, в левую половину груди.

Он пришел в себя уже через несколько секунд от нестерпимой боли и подумал, что ребра наверняка сломаны, сейчас, может, через минуту, концы сломанных костей проткнут сердечную мышцу, и он умрет здесь, в этой прихожей, на полу среди картонных коробок и выпавшей из этих коробок обуви. Он почувствовал, как медленно немеют пальцы рук. Кудрявцев понимал, он должен что-то сделать, но что именно он должен сделать, о, это был нелегкий вопрос. В спальне в ящике с постельным бельем лежал «Люгер» калибра 7,65 с полной обоймой. Да, в спальне под бельем. Но дорога туда казалась длиннее дороги на Луну.

Кудрявцев потянулся к стоящему рядом табурету, не отдавая себе отчета, зачем понадобился ему этот табурет, чем поможет. Но рука оказалась вывернутой, рука занемела от боли и упала на паркет, а сам Кудрявцев почувствовал, что его перевернули на живот, а под его шеей прошла ладонь и предплечье Денисова. «Почему он душит меня не пальцами, а предплечьем?» – спросил себя Кудрявцев, уже плохо понимавший, что вообще происходит. Дыхание прервалось...

Кудрявцев дернулся, стараясь сбросить с себя тяжесть чужого тела. Глаза, замутненные слезами, перестали видеть настенные часы. Секундная стрелка обожала один круг, потом второй...

* * *

Первое, что увидел Кудрявцев, когда сознание вернулось, и он смог открыть глаза, это цветные трусы Денисова. Яркие трусы: желтые пчелы сидели на красных цветах. Кудрявцев удивился тому, что до сих пор жив, удивился Денисову, стоявшему перед ним в одних трусах. Потом он увидел сложенные стопкой на диване брюки, рубашку и галстук Денисова. Кудрявцев испытывал боль во всем теле. Он осмотрел себя и понял, что лучше было умереть там, в прихожей на полу.

– Очухался? – спросил Денисов. – Если будешь умницей, все кончится быстро. Сейчас я вытащу у тебя изо рта эту тряпку. Если вздумаешь орать, придется затолкать её обратно. Я затолкаю её тебе в горло, а потом отрежу пальцы рук. Медленно, по суставу. А там видно будет. Итак, я вытаскиваю тряпку из твоего рта, и мы спокойно разговариваем. Кивни, если согласен.

Кудрявцев кивнул. Тряпка, заткнувшая горло, мешала дышать.

«Еще минута и я блевону, – подумал он. – И захлебнусь в этой блевотине». Он испугался этой мысли, он снова кивнул

и издал носом мычащий звук. Денисов зашел сзади, ослабил узел кухонного полотенца на затылке, снял его через голову Кудрявцева и двумя пальцами вытащил из его рта пару эластичных, мокрых от слюны носков. Кудрявцев сплюнул на ковер, опустил голову и осмотрел себя. Предплечья прикручены к подлокотникам кресла бельевой веревкой, щиколотки ног привязаны к ножкам кресла, брючный ремень пропущен через спинку и туго стянут на животе.

– Тебе не развязаться, – сказал Денисов.

– Дай воды.

Кудрявцев почувствовал, как приступ тошноты медленно отступает. Он сделал несколько больших бесконечных глотков фруктовой воды из горлышка пластиковой бутылки, поднесенной к его губам Денисовым. Капли скатывались по подбородку и падали на сорочку. Кудрявцев подумал, что теперь сорочку наверняка не отстирать и удивился всей нелепости этой мысли.

– Хватит, – он отвел голову назад, дотянувшись до плеча подбородком, вытер капли воды.

Денисов сел на диван.

– Я задам вопросы, ты ответишь. Простой вопрос. Где документы на особняк?

– На работе, в моем сейфе, – не задумываясь, ответил Кудрявцев. – Ты ошибся адресом.

– Я не ошибся адресом, важные документы ты хранишь дома, – Денисов поморщился. – Если ты совершь ещё раз, я

выбью молотком твои зубы и заткну обратно в рот носки. Так и будешь сидеть, пока я не найду бумаги. Ты знаешь меня, я это сделаю.

– На платяном шкафу в спальне, в красной папке, – Кудрявцев попробовал улыбнуться. – Поиски не отняли бы у тебя много времени. Здесь нет сейфов в стенах, всяких тайников, ничего такого, – ему стало жалко себя, он готов был заплакать от этой жалости, от собственного бессилия.

Кудрявцев, часто мигая веками, смотрел, как Денисов вышел из комнаты и уже через минуту вернулся обратно с красной папкой в руках, раскрыл её. Да, вот они, все бумаги. Кудрявцев смотрел на белые листки так, будто читал на них свой приговор. Вот договор купли-продажи помещения, свидетельство о внесении здания в реестр объектов недвижимости, техпаспорт, договор аренды земельного участка Москомзема. Денисов листал документы. Еще есть минута, чтобы обдумать те слова, что нужно сказать, чтобы спастись.

– Послушай, – Кудрявцев прочистил горло. – Зачем ты это делаешь? Тебя ведь найдут. Пусть не милиция, другие. Но все равно найдут. Те люди, которые дали денег, чтобы я поднялся. Те люди, что дали мне денег на раскрутку. Они не милиция, которой все до лампочки. Это их деньги, они тебе этого не простят. Они найдут тебя у черта на куличиках. В другой стране найдут, – Кудрявцев так волновался, что носом пошла кровь, но он не обращал на это внимания, он торопился. – Это не милиция. Эти ребята перед тем, как от-

править тебя в ад, нарежут из твоей кожи ремешки.

Денисов захлопнул папку, сложил её вдвое и застегнул хромированный замочек. Он отложил папку в сторону и продолжал сидеть на диване не двигаясь.

– Посмотрим, кто из кого ремни резать будет.

– Я же взял тебя на хорошее место, – Кудрявцев слизнул кровь с верхней губы. – Ты мне всем обязан. Всем, что имеешь. Мы земляки, мы выросли вместе, я доверял тебе. Неужели я заслужил все это? Ты ведь был мне как родной, как родственник. Послушай, можно все уладить. Брось меня здесь привязанного. Оставь все как есть и уходи. У тебя будет время, чтобы уехать из города. Обещаю, искать тебя не станут. И вообще: все останется между нами. Да, с особняком у тебя не выгорит. Но ты будешь жить. Это самое главное. Ты будешь жить.

– Хватит, не воняй, – Денисов не двигался с места. – Обратного хода у меня уже нет. И не перебивай, я скажу кое-что. Этот особняк – тот шанс, которого я ждал всю жизнь. Другого шанса не будет, у меня его не будет. Ты ведь и сам решил смотаться отсюда. У тебя паспорт с открытой визой в Штаты. Ты уже присмотрел там какую-нибудь недвижимость? Присмотрел, я знаю. Только вместо тебя отсюда смотаюсь я. На планете много прекрасных уголков. Главное – это, – Денисов потер друг о друга большой и указательный пальцы.

– Но тебя ведь найдут, – кровь из носа сочилась на губы,

на подбородок Кудрявцева. – Тебе не дадут спокойно жить.
– Долго искать придется.

Денисов поднялся с дивана, вышел из комнаты и вернулся обратно с двумя большими кастрюлями. Одну из них он поставил под кресло, в котором сидел Кудрявцев.

– Что ты делаешь? – голос Кудрявцева дрогнул. Он представил себе все, что случится дальше.

– Что ты?

Он почувствовал, как Денисов схватил его за волосы, запрокинул голову за спинку кресла. Он увидел белый потолок, опасную бритву в руках своего убийцы.

Глава седьмая

– Сейчас у меня нет желания вести дискуссию на теоретические темы, – Леднев постучал себя костяшками пальцев по голове, звук получился неприятный, будто стучали по дереву. – Единственно, что от меня требуют, что я сам обязался сделать в срок, это перелопатить сценарий, довести его до ума. В соавторстве с тобой, между прочим. Ты говоришь: не беспокойся, все сделаю, все доработаю сам.

Леднев посмотрел на своего соавтора Виноградова, сгорбившегося на диване. Леднев знал эту особенность Виноградова, остро переживать любой упрек в свой адрес, любую, пусть даже безобидную, критику.

– Да, тыходишь в мое положение. Ты говоришь мне: у тебя большие неприятности, я сам доработаю и все такое. Я подробно объясняю тебе, что именно нужно переписать, исправить, – Леднев взял с журнального столика переделанный вариант сценария и сморщился так, будто от рукописи дурно пахло. – Еще хуже стало. Не жизненно. Художественное наполнение сценария из пальца высосано.

– Художественное наполнение, скажешь тоже, – подал голос с дивана Виноградов. – Все я сделал, как ты сказал. Я же все твои замечания в блокнот записал, – зачем-то он вынул из пиджачного кармана записную книжку, раскрыл её в том месте, где делал записи и показал неразборчивые строч-

ки Ледневу, будто эти записи являлись доказательством его правоты.

– Да что ты мне эту филькину грамоту под нос суешь, – Леднев издал звук, похожий на рычание зверя. – Записывал он. Я ведь не тянул тебя за язык, ты сам взялся за эти переделки. И вот переделал. Не умеешь – не берись. А итог твоей бурной деятельности таков: к сегодняшнему дню сценария у нас нет и времени сколько упущено. Тот первый вариант лучше твоего переделанного. С чем теперь идти к нашему спонсору, к Некрасову? – Леднев ткнул пальцем в сценарий. – Он разбирается в этом дерьме. Это на художественном совете можно благодарным слушателям вешать лапши столько, сколько они до дома донесут. Провалишься со своим фильмом – ничего страшного. Но здесь совсем другое дело. Ты это, Игорь, понимаешь?

– Понимаю, все понимаю, – Виноградов убрал записную книжку в карман, провел ладонью по коротко стриженным седеющим волосам. Он выглядел уставшим, не готовым к затяжному спору. – Послушай, Иван, сколько фильмов мы сделали вместе? Пять фильмов, – ответил он за Леднева. – Это много по нынешним временам. Вроде, ты оставался мной доволен, моей работой то есть. А теперь... Я не совсем понимаю, чего ты хочешь от этого сценария. По-моему, это добротная работа. Я понимаю, каждый режиссер мечтает снять свои «Восемь с половиной» или что-то подобное. Каждый хочет сделать свой шедевр. Но ведь ты не Феллини, и я не

Висконти. Планка амбиций должна соответствовать уровню таланта. Свои «Восемь с половиной» ты снимешь в следующий раз. А пока надо запускаться с этим сценарием.

Виноградов, довольный тем, что выразил свои мысли просто и убедительно, потер лоб и попросил Леднева принести хоть глоток воды.

* * *

Вчера в ресторане Дома литераторов дорожка Виноградова пересеклась с дорожкой Станового, автора скандально известных порнографических романов «Половая зрелость» и «Неистовый лимитчик», любая встреча с которым заканчивалась какой-нибудь неприятностью. И хотя Виноградов сразу же предупредил Станового, что пить с ним не станет, тем не менее, позволил себя уговорить, сел за писательский столик, присоединившись к веселой компании, и даже принял участие в обсуждении какого-то нового фильма, которого сам не видел. Позднее, правда, выяснилось, что и Становой фильма не видел, да и смотреть его не собирался из принципиальных соображений.

«Я и не пойду его смотреть, – Становой оглашал своим негромким, но каким-то пронзительным голосом половину ресторанного зала. – Фильм рассказывает о поколении шестидесятников. А что этот мальчик, этот режиссер в подгузниках, может знать об этом поколении, о шестидесятниках?»

Ну что, скажите мне, что? Пусть сначала со своими мандавошками разберется, а потом лезет в чужую жизнь, в чужое время. Тогда, в шестидесятые, он и сопли без маминой помощи вытирать не умел». Слушали его невнимательно, и Становому приходилось орать громче. То ли от этого пронзительного голоса Станового, то ли от водки у Виноградова начала побаливать голова. Он сделал несколько вялых безуспешных попыток вырваться, но всякий раз его ловили и усаживали за стол.

В душе крепла уверенность, что вечер закончится плохо, может, милицией, может, чем похуже. Несколько раз к их столику подходил пожилой степенный администратор и просил собравшихся вести себя тише. Но Становой не собиравался успокаиваться, наоборот, он становился агрессивным. «Ну что, может, подеремся? – орал он через весь зал администратору. – Подеремся? Только без ножей». Вокруг смеялись, кто-то в ожидании потасовки потирал руки, кто-то спешил уйти. «Нет, определенно, кому-то я сегодня кишки выпущу, – обещал Становой всему залу». Виноградову стало не по себе, он решил уходить, но с места не трогался. «Я уйду, – орал Становой. – Уйду, не беспокойтесь, только сначала ему в морду плюну», – Становой грозил кому-то в другом конце зала то пальцем, то кулаком, администратору, что ли, сейчас уж трудно вспомнить.

Назревавший скандал разрешился скоро и как-то неэффективно. В зал вошли молодые люди в темных костюмах и

Станового вывели под руки. «Что вы знаете о поколении шестидесятых?» – спрашивал Становой молодых людей, увлекавших его к дверям. Но ему не отвечали. Как-то сама собой распалась, рассосалась и компания за столом. Получив в гардеробе свой плащ, Виноградов вышел на улицу под моросящий дождичек и там, на тротуаре, снова очутился в руках слегка поостывшего, но все ещё возбужденного Станового. Виноградова затолкали в такси. Машина оказалась полной народа, Виноградов сидел на чьих-то острых коленках, то ли женских, то ли мужских, ощущая задом все дорожные колдобины. По пути Становой беспрерывно курил и матерился.

«Хорошо, что мы уехали из этого поганого Дома литераторов, – сказал он, расплачиваясь с водителем. – Там пахнет нафталином и несбывшимися надеждами. Ты знаешь, какой запах у несбывшихся надежд? – спросил он у Виноградова. – Хорошо, потом скажу, не при женщинах».

Виноградов воспринимал происходящее с покорностью обреченного. В коммерческом ресторане «Иван да Марья» компания едва расселась за двумя сдвинутыми столиками рядом с эстрадой. Вокруг появились новые незнакомые люди. Из этих посторонних людей Виноградову запомнился какой-то Жора из Майкопа. Он орал ещё громче и пронзительнее Станового, заказывал музыку и пускался в пляс между столиками. «Еще немного этого веселья – и я умру», – сказал себе Виноградов. Его волю окончательно парализовал Жора, танцевавший на эстраде, на столиках и даже попытавшийся

повиснуть на люстре в центре зала, что ему, в конце концов, и удалось. Жора угомонился, лишь когда ему, как бы между прочим, сообщили, что в ресторан вот-вот нагрянет милиция с проверкой документов. И покинул ресторан задним служебным ходом. А Виноградов очнулся среди ночи в своей кровати. Он не мог вспомнить, как попал домой и был очень удивлен, что вообще остался жив после такой перedelки.

* * *

Выпив почти целую бутылку минеральной воды, Виноградов посмотрел на Леднева с благодарностью.

– Может, коньяка выпьешь? – спросил Леднев. – Какой-то ты весь зеленый.

– Что ты, – Виноградов вздрогнул.

Леднев усмехнулся и постучал ладонью по папке со сценарием.

– Не за ту работу мы взялись, – сказал он. – Надо снимать сказки на современной русской основе. Стилизацию Золушки, например. Это пойдет на ура. Преуспевающий брокер влюбляется в молодую потаскушку, очень бедную. Она вульгарна, но обаятельна. Он, по-своему тоже обаятельный, делает из потаскушки светскую львицу. А потом женится на ней. Или не женится. Это не важно. А зрители пусть рыдают и смеются.

– Только все это уже было, – Виноградов вылил в стакан

остатки воды из бутылки. – И на русской основе и не на русской. Значит, эффект такого фильма оказался бы низким, слез в зале мы бы не увидели. А критики пропечатают, что Леднев и Виноградов исхалтурились настолько, что паразитируют на старых, как мир, темах.

– Ладно, черт с ней, с Золушкой... А для тебя эти походы в кабаки добром не кончатся, придется не творчеством заниматься, а сифилис лечить, – услышав звонок в дверь, Леднев быстро поднялся и пошел в прихожую. – Ладно, Игорь, – на ходу проговорил он, – ты отправляйся домой, отдыхай.

Леднев открыл дверь, впустил в прихожую Мельникова. Виноградов засобирался. На его лице блуждала улыбка, тяжелый разговор закончился.

– Так сценарий я оставляю? – спросил он Леднева. Раскланявшись с Мельниковым, Виноградов согнулся, натягивая на ноги ботинки. – Ты уж сам его дожди.

С усилием разогнувшись, Виноградов с чувством потряс руку Леднева и побежал вниз по лестнице, не дожидаясь лифта, будто боялся, что его остановят.

– Черт, как мне все надоело, – Леднев сел в кресло и достал из пачки сигарету. – Этот творческий союз с Виноградовым начинает меня тяготить, – он полистал страницы сценария. – Все не то. Клянусь, это последняя наша работа. Все надо заново переделывать. Садись, не стой в дверях. Подумать только, он почти ничего не исправил в сценарии. Даже фразу «У меня нет другого выхода» и ту оставил. Эти слова

встречаются в каждом детективе. Вот теперь и у меня будут.

– Вычеркни и дело с концом, – Мельников остался стоять, прислонившись плечом к косяку двери. – В моей машине внизу сидит Жамин, судмедэксперт. Вчера вечером он закончил экспертизу, написал заключение для следствия. И вот нашел время поговорить. Ему в Москву было нужно, я подвез. Подумал, может, у тебя будут к нему какие вопросы.

– Что же ты сразу не сказал? – Леднев встал с кресла. – Правильно, что привез этого Жамина. Как его имя-отчество? И почему он не поднялся наверх? Почему ждет в машине?

Леднев шарил под вешалкой в поисках ботинок, но они, как назло, куда-то пропали.

– У тебя лифт не работает, а у него нога болит, – пояснил Мельников. – Вон твои ботинки.

– А, спасибо, – Леднев натянул туфли, сунул в карман ключи. Не дойдя пары шагов до порога, обернулся. – Ну, Егор, скажи...

– Это строфантин, – сказал Мельников. – Лекарство, о котором я тебе говорил ещё тогда, на твоей даче. То самое лекарство.

– Вот же твою мать... Твою мать... Вот же...

Леднев с силой дернул на себя ручку двери.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.